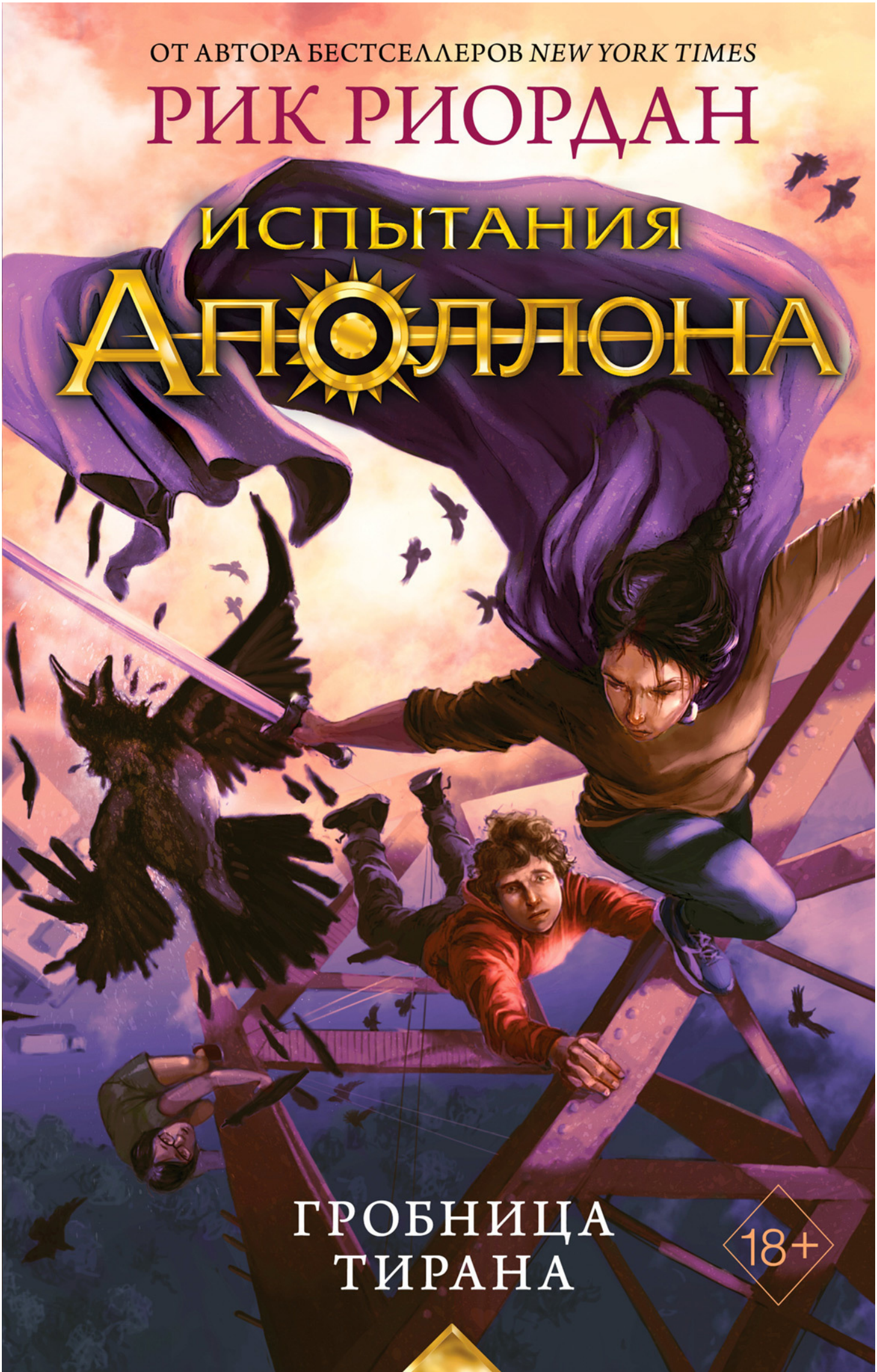
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

РИК РИОРДАН

ИСПЫТАНИЯ АПОЛЛОНА



ГРОБНИЦА ТИРАНА

18+

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан

Гробница тирана

«Эксмо»
2019

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Гробница тирана / Р. Риордан — «Эксмо», 2019 — (Вселенная Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-104509-8

Спасти Лагерь Юпитера, отразить атаку двух злобных императоров и одного царя, восставшего из мертвых, не дать больше ни одному своему другу умереть и желательно не погибнуть самому – таков план Аполлона на ближайшие дни. Кажется, все это легкотня для олимпийского бога. Вот только в этом и проблема: Аполлон уже давно свергнут с Олимпа и пребывает в теле пухлого подростка по имени Лестер. А это значит, что его и его друзей ждут новые опасные битвы. Чтобы не позволить врагам разрушить Лагерь Юпитера, Лестеру снова придется пожертвовать всем – возможно, даже своей жизнью… Рик Риордан – автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе, по мнению авторитетного издания «New York Times».

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104509-8

© Риордан Р., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1 6
2 11
3 16
4 22
5 27
6 31
7 37
8 43
9 47
10 53
11 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Рик Риордан
Гробница тирана

Памяти Дианы Мартинес,
которая изменила к лучшему жизнь многих людей

Темное пророчество

Сгорят слова, что память подарила,
Едва луна над Дьяволом уснет.
Пусть оборотень собирает силы,
Иначе Тибр кровью изойдет.

На юг пусть солнце устремит свой ход
Сквозь путаницу к смерти и огню,
Владельца белого коня найдет —
Загадка волю обретет свою.

Смелее, Лестер, в западный дворец;
Деметры чадо корни обретет.
Укажет козлоногий удалец
Тот путь, где вражья обувь лишь пройдет.

Известны три – и Тибр перед тобой:
Тогда лишь, Аполлон, танцуй и пой.

1

Нет здесь еды
«Шведские рыбки» слопала Мэг
Слезай с катафалка

Я считаю, что тела нужно возвращать.

Тут дело просто в уважении, верно? Если воин пал, нужно приложить все усилия, чтобы вернуть тело его народу для свершения погребального обряда. Может быть, я старомоден – мне ведь больше четырех тысяч лет. Но я считаю, что не хоронить мертвых должным образом – это недостойно.

Взять хоть Ахиллеса и то, что он устроил во время Троянской войны. Повел себя как свинья. Привязал труп защитника Трои Гектора к колеснице и несколько дней таскал его по земле у городских стен. В конце концов Зевс внял моим увещеваниям и заставил этого громилу вернуть тело Гектора родителям, чтобы они нормально его похоронили. Нет, *ну правда*. Нужно же иметь хоть немного уважения к тем, кого ты убил.

А труп Оливера Кромвеля? Я и сам не сказать чтоб обожал его, но всему есть предел. Сначала англичане с почестями его хоронят. Затем они вдруг решают, что ненавидят Кромвеля, выкапывают из могилы и «казнят» его тело. Потом его голова падает с пики, на которой красовалась десятилетиями, и в течение трех веков переходит от одного коллекционера к другому словно какой-нибудь снежный шар – омерзительная безделушка на память. Наконец в 1960 году я шепнул кое-каким влиятельным людям: «*Хватит уже. Я бог Аполлон, и я приказываю вам похоронить эти останки. Вы ведете себя отвратительно*».

Когда дело коснулось Джейсона Грейса, моего павшего друга и единокровного брата, я не стал полагаться на случай и решил лично доставить гроб с его телом в Лагерь Юпитера, чтобы проводить его со всеми почестями.

И это было правильное решение. Например, потому, что по пути на нас напали гули.

Когда закат превратил залив Сан-Франциско в котел расплавленной меди, наш частный самолет приземлился в аэропорту Окленда. Я сказал «наш», хотя на самом деле заказной рейс был прощальным подарком от нашей подруги Пайпер Маклин и ее отца-кинозвезды. (У всех должен быть хотя бы один друг с родителем-кинозвездой.)

У взлетно-посадочной полосы нас ждал еще один сюрприз, тоже, надо полагать, от Маклинов, – блестящий черный катафалк.

Мы с Мэг Маккаффри разминали ноги на площадке у «Сессны», пока наземный персонал с мрачным видом доставал гроб Джейсона из багажного отделения. В вечернем свете казалось, что гроб из полированного красного дерева светится. На латунных ручках сверкнули красные отблески, и я ужаснулся – так это было красиво. Смерть не должна быть красивой.

Работники загрузили гроб в катафалк, а затем перенесли наш багаж из самолета на заднее сиденье автомобиля. Вещей у нас было мало: рюкзак Мэг да мой (любезно предоставленные «Военным безумием Марко»), мои лук с колчаном и укулеле, пара блокнотов с эскизами и макет Джейсона.

Я подписал бумаги, выслушал соболезнования экипажа, пожал руку славному сотруднику похоронного бюро, который вручил мне ключи, и направился к машине.

Посмотрев на ключи, я перевел взгляд на Мэг Маккаффри, отгрызающую голову «шведской рыбке». В самолете оказалось полдюжины банок с этими красными жевательными конфетами. Теперь их запасы поиссякли. Мэг в одиночку позаботилась о том, чтобы популяция «шведских рыбок» на борту оказалась на грани вымирания.

– Мне садиться за руль? – спросил я. – Они арендовали этот катафалк?

Мэг пожала плечами. Весь полет она провела развалившись на сиденье, и теперь ее прическа «под пажа» с одного бока была примята. Уголок очков-«кошечек», украшенный стразом, выглядывал у нее из волос как акулий плавник.

Впрочем, весь ее наряд был сомнительным: стоптанные красные кеды, потрепанные желтые легинсы и ее любимое зеленное платье до колен – подарок от матери Перси Джексона. *Любимое* – потому что оно побывало в стольких битвах и столько раз было постирано и зашито, что стало похоже скорее не на платье, а на сдувшийся воздушный шар. Вишенкой на торте был пояс с кучей сумочек, какие носят садовники: ведь дитя Деметры никогда без такой штуки из дома не выйдет.

– У меня же нет прав, – напомнила она, как будто я мог забыть, что теперь моей жизнью распоряжается двенадцатилетка. – Забиваю переднее сиденье.

«Забивать» сиденье в катафалке казалось мне не очень-то правильным. Но Мэг оббежала автомобиль и забралась на пассажирское кресло. Я сел за руль. Вскоре мы покинули аэропорт и покатили в арендованном черном скорбьмобиле по шоссе I-880.

Ах, залив Сан-Франциско… Я бывал здесь счастлив. Вокруг этой бесформенной впадины было полным-полно интересных людей и мест. Мне нравились зелено-золотые холмы, туманное побережье, светящиеся кружева мостов и сумасшедшие зигзаги кварталов, напирающих друг на друга будто пассажиры метро в час пик.

В 1950 годы я играл с Диззи Гиллеспи[1] в клубе «Боп сити» на улице Филлмор. Во время Лета любви я устроил в Парке Золотые ворота джем-сейшн[2] с группой «Грейтфул дэд»[3]. (Отличные ребята, но неужели без соло на пятнадцать минут никак?) В 1980-х я зависал в Окленде со Стэном Бёрелом, также известным как Эм Си Хаммер[4] – когда он открывал миру поп-рэп. Конечно, музыка Стэна – его заслуга, но я дал ему пару модных советов. Помните его широченные штаны из золотистой ткани ламе? Моя была идея. Да, модники, можете не благодарить.

По большей части залив Сан-Франциско навевал хорошие воспоминания. Но чем дальше я ехал, тем чаще поглядывал на северо-запад, в сторону округа Марин и темной вершины горы Тамалпаис. Мы, боги, называем ее горой Отрис, обителью титанов. И хотя наши древние враги повержены, а их дворец разрушен, я чувствовал исходящее оттуда недоброе притяжение, словно какой-то магнит желал извлечь железо из моей ныне смертной крови.

Я постарался избавиться от этого ощущения. У нас и так полно проблем. И потом: мы направлялись в Лагерь Юпитера, который был дружеской территорией по эту сторону залива. Со мной была Мэг. Я вел катафалк. Ну что могло пойти не так?

Автострада Нимиц вилась по равнинам восточного побережья, мимо мелькали склады, доки, торговые центры и ветхие бунгало. Справа возвышался центр Окленда: небольшое скопление высоток храбро смотрело в сторону более крутого соседа – города Сан-Франциско, расположившегося по ту сторону залива. Они будто заявляли: «Мы Окленд! Мы тоже существуем!»

Мэг развалилась на сиденье, закинула ноги в красных высоких кедах на приборную панель и приоткрыла окно.

– Мне тут нравится, – заявила она.

– Но мы только приехали, – возразил я. – И что же тебе нравится? Заброшенные склады? Вывеска «Вафли и курочка от Бо»?

---

[1] Диззи Гиллеспи – джазовый музыкант, импровизатор. *(Здесь и далее прим. перевод.)*

[2] Джейм-сейшн – импровизационное выступление музыкантов.

[3] «Грейтфул дэд» (Grateful Dead) – американская рок-группа.

[4] MC Hammer – американский рэп-исполнитель, самой известной песней которого является хит «U Can't Touch This».

– Природа.

– С каких это пор бетон стал природой?

– Тут есть деревья. Растения цветут. Воздух влажный. Вкусно пахнет эвкалиптом. Здесь не так, как…

Я понимал, о чем она говорит. В Южной Калифорнии мы застали палящую жару, жуткую засуху и безумные пожары – и все из-за магического Горящего Лабиринта, которым управляли Калигула и его подружка – свихнувшаяся от ненависти колдунья Медея. Рядом с заливом подобных ужасов не было. По крайней мере пока.

Мы убили Медею. Уничтожили Горящий Лабиринт. Освободили Эритрейскую Сивиллу и помогли смертным и увядающим духам природы Южной Калифорнии.

Но Калигула по-прежнему жив. Он и его дружки, садисты-императоры из Триумвирата, все еще планируют взять под контроль оракулы, захватить власть над миром и построить будущее по своему образу и подобию. Прямо сейчас дьявольский флот Калигулы, состоящий из роскошных яхт, мчится к Сан-Франциско, чтобы нанести удар по Лагерю Юпитера. Трудно и представить, какие руины останутся от Окленда и «Вафель и курочки от Бо» после его нападения.

Но даже если нам удастся победить Триумвират, величайший оракул – Дельфы – по-прежнему захвачен моим заклятым врагом Пифоном. Я понятия не имею, как мне одолеть его в нынешнем состоянии, когда я стал шестнадцатилетним хиляком.

Ну и что с того? В остальном ведь все хорошо. Эвкалипты вот вкусно пахнут.

На пересечении с шоссе Интерстейт-580 движение стало плотнее. Похоже, у калифорнийских водителей было не принято из уважения пропускать вперед катафалки. А может, они поняли, что минимум один из пассажиров в нашей машине уже мертв, поэтому торопиться нам некуда. Мэг развлекалась тем, что поднимала и опускала стекло, нажимая на кнопку. *Иии. Ииии. Иииии*.

– Ты знаешь, как добраться до Лагеря Юпитера? – спросила она.

– Конечно.

– Ты то же самое говорил и про Лагерь полукровок.

– Ну ведь мы туда добрались! В конце концов.

– Замерзшие и полумертвые.

– Слушай, вход в лагерь вон там. – Я неопределенно махнул в сторону Окленд-Хиллз. – В туннеле Калдекотт вроде есть секретный проход.

– Вроде?

– Понимаешь, я никогда не *приезжал* в Лагерь Юпитера, – признался я. – Обычно я нисхожу с небес в великолепной солнечной колеснице. Но мне известно, что главный вход расположен в туннеле Калдекотт. Наверняка там будет указатель. Вроде знака «Дорога только для полубогов».

Мэг посмотрела на меня поверх очков:

– Ты самый тупой бог на свете. – Она подняла окно, и оно закрылось со звуками «Ииии ХЛОП!», весьма неприятными и напомнившими о гильотине.

Мы повернули на запад, на Двадцать четвертое шоссе. Ближе к холмам дорога стала свободней. Эстакады парили над жилыми районами, изрезанными петляющими улочками, высокими хвойными деревьями, белыми оштукатуренными домами, прилепившимися к травянистым склонам ущелий.

Промелькнул дорожный знак «ВЪЕЗД В ТУННЕЛЬ КАЛДЕКОТТ, 2 МИЛИ». Это должно было меня успокоить. Скоро мы пересечем границу Лагеря Юпитера и окажемся под надежной охраной в сокрытой магией долине, где настоящий римский легион сможет оградить меня от проблем, хотя бы ненадолго.

Но почему же тогда волосы у меня на затылке шевелились, как морские черви?!

Что-то было не так. И тут до меня дошло, что, возможно, причиной беспокойства, которое я ощущал с тех пор, как мы приземлились, была не далекая угроза, исходящая от Калигулы, не древнее обиталище титанов на горе Тамалпаис, а что-то гораздо более ощутимое… что-то недоброе, и оно становилось все ближе.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Сквозь тонкую штору на заднем окне были видны только другие автомобили. Но вдруг в глянцевой крышке гроба, где покоилось тело Джейсона, я заметил отражение темной фигуры, словно нечто размером с человека пролетело мимо катафалка.

– Слушай, Мэг, – как можно спокойнее проговорил я. – Там, сзади, нет ничего странного?

– В каком смысле странного?

БУХ.

Катафалк дернулся, будто нас прицепили к фургону, наполненному металлоломом. У меня над головой на обитом материей потолке возникли два отпечатка ног.

– Кто-то запрыгнул к нам на крышу, – заключила Мэг.

– Спасибо, Шерлок Маккаффри! Можешь его спихнуть?

– Я?! Как?!

К моей досаде, вопрос был весьма справедливым. У Мэг на средних пальцах были кольца, которые она умела превращать в смертоносные золотые мечи, но если она вооружится ими в тесном салоне катафалка, она а) не сумеет хорошенько замахнуться и б) вполне вероятно проткнет ими меня и/или себя.

СКРИП. СКРИП. Отпечатки ног стали глубже: существо старалось удержаться на крыше, ловя равновесие, как сёрфингист на доске. И судя по тому, какими глубокими были эти отпечатки, весило оно очень много.

У меня к горлу подступили всхлипы. Руки на руле затряслись. Мне хотелось схватить лук и колчан, лежащие на заднем сиденье, но сейчас пользы от них не было никакой. Детишки, никогда не пробуйте СКВМ – стрелять, когда ведешь машину.

– Может, откроешь окно, – предложил я Мэг, – высунешься и прогонишь его?

– Хм, нет. – Боги, какая же она упрямая! – Может, лучше ты попробуешь его стряхнуть?

Не успел я объяснить, что, учитывая нашу скорость пятьдесят миль в час, это ужасная идея, как услышал звук открывающейся алюминиевой банки – громкое шипение, с которым воздух прорывается сквозь металл. В потолок воткнулся грязный белый коготь размером со сверло. Затем еще один. И еще. И еще, пока обивку не пронзили десять острых белых шипов – как раз столько, сколько должно быть когтей на двух здоровенных ручищах.

– Мэг?! – взвизгнул я. – Ты можешь…

Не знаю, как бы я закончил эту фразу – «…защитить меня?», «…убить эту тварь?», «… посмотреть, не захватил ли я чистые трусы?». Меня грубо прервал некто, распоровший крышу катафалка, словно это была коробка, а мы – рождественский подарок в ней.

Сквозь неровную дыру на меня уставилось бледное человекоподобное существо жуткого вида: его иссиня-черная шкура поблескивала как тельце домашней мухи, белые глаза были затянуты пеленой, а с оскаленных зубов капала слюна. Одето существо было в растрепанную набедренную повязку из грязных черных перьев, а воняло от него похуже, чем от мусорного бака – поверьте, я знаю, о чем говорю, ведь мне доводилось в такие падать.

– ЕДА! – провыло существо.

– Убей его! – крикнул я Мэг.

– Сворачивай! – взвизгнула она.

Кроме того, что я оказался заключен в жалком теле смертного, было еще одно гадкое обстоятельство: я был слугой Мэг Маккаффри. И был обязан подчиняться ее приказам. Поэтому когда она завопила: «Сворачивай!» – я резко крутанул руль вправо. Катафалк

послушно поддался. Перелетев через три ряда машин, он протаранил дорожное ограждение и рухнул в каньон.

2

Это не круто, чувак
Чувак моего чувака чуть не съел
Мертвый чувак мой, чувак

Я люблю летающие машины. Только вот предпочитаю, чтобы это были машины, предназначенные для полета.

Когда катафалк оказался в невесомости, у меня было несколько секунд, чтобы оценить пейзаж внизу: чудесное озерцо, вокруг которого росли эвкалиптовые деревья и вились пешеходные тропинки, на противоположном берегу виднелся небольшой пляж, где на покрывалах наслаждались вечерним пикником туристы.

«Отлично! – обрадовалась часть моего сознания. – *Если повезет, упадем в воду».*

А потом мы полетели вниз – но не в озеро, а к деревьям.

У меня из горла вырвался звук вроде верхнего до, которое Лучано Паваротти брал в «Дон Жуане». Руки намертво прилипли к рулю.

Когда мы рухнули в эвкалипты, гуль исчез с крыши: деревья будто специально смахнули его ветками. Другие ветки обхватывали катафалк, замедляя наше падение, и мы перелетали с одной ветви, листья которой пахли леденцами от кашля, на другую, пока с глухим ударом не грохнулись на землю, встав на все четыре колеса. Тут же запоздало раскрылись подушки безопасности, вжав наши головы в спинки кресел.

У меня в глазах плясали желтые амебы. Горло обжег привкус крови. Я вцепился в ручку двери, протиснулся между подушкой и сиденьем и вывалился на расстилающуюся под нами мягким ковром прохладную траву.

– Беее, – простонал я.

И услышал, как Мэг тошнило где-то неподалеку. Во всяком случае, она была жива. В десяти футах от меня волны набегали на берег озера. Над головой, почти на самой верхушке здоровенного эвкалипта, рычал и корчился в клетке из ветвей наш иссиня-черный знакомец гуль.

Я попытался сесть. В носу пульсировало: в пазухи будто ментола напихали.

– Мэг?

Она, ковыляя, вышла из-за капота катафалка. Вокруг глаз у нее наливались круглые синяки: за них, конечно, нужно благодарить подушку безопасности. Очки сидели на ней косо, но уцелели.

– Фигово ты умеешь поворачивать.

– О боги! – возмутился я. – Ты *приказала* мне… – Тут я сбился. – Постой. Как мы выжили? Это *ты,* что ли, управляла ветками?

– Ну так. – Она взмахнула руками, вооружившись золотыми мечами-сиками. Мэг опершлась на них как на лыжные палки. – Только монстра они надолго не удержат. Приготовься.

– Что? – заскулил я. – Стой. Нет. Я не готов!

Схватившись за водительскую дверь, я подтянулся и встал на ноги.

На том берегу озера туристы повскакивали с покрывал. Уж наверняка свалившийся с неба катафалк привлек их внимание. В глазах у меня по-прежнему все расплывалось, но эта компания выглядела странно… Неужто кто-то из них в доспехах? А у другого козлиные ноги?

Но даже если это наши союзники, на их помощь рассчитывать не стоит – они слишком далеко.

Хромая, я подошел к катафалку и рванул на себя заднюю дверь. Гроб Джейсона был в целости и сохранности. Я схватил лук и колчан. Укулеле исчезло под надувшимися подушками безопасности. Придется обойтись без него.

Чудовище выло и бесновалось в ловушке.

Мэг споткнулась. У нее на лбу блестели капельки пота. Внезапно гуль вырвался на свободу и, рухнув вниз, приземлился в нескольких ярдах от нас. Я надеялся, что при этом он переломал себе ноги – но не тут-то было. Монстр сделал несколько шагов, оставляя в траве мокрые вмятины, выпрямился и зарычал, обнажив острые белые зубы, напоминающие перевернутый частокол.

– УБИТЬ И СЪЕСТЬ! – заорал он.

Какой дивный голос! Этот гуль мог бы стать фронтменом парочки норвежских групп, играющих в стиле дэт-метал[5].

– Погоди-ка! – Мой голос срывался на визг. – Я… я тебя знаю. – Я погрозил ему пальцем, словно это могло подстегнуть мою память. Лук, зажатый в другой руке, дрожал. Стрелы в колчане стучали. – П-постой, я сейчас вспомню!

Гуль замешкался. Я всегда полагал, что большинству разумных существ нравится, когда их узнают. Боги, люди, слюнявые гули в набедренных повязках из стервятничьих перьев – все мы хотим, чтобы другие знали, кто мы такие, называли нас по имени и знали о нашем существовании.

Конечно, я просто тянул время. И надеялся, что Мэг сумеет наконец отдышаться, бросится в атаку и нарежет монстра на тухлые паппарделле[6]. Но, похоже, сейчас она способна использовать мечи только как подпорки. Наверняка управлять гигантскими деревьями очень утомительно, но честное слово – неужели было так трудно сначала выбить дух из Пернатого Памперса, и *уже потом* лишиться сил?!

Подождите. Пернатый Памперс… Я снова посмотрел на гуля: странная рябая шкура иссиня-черного цвета, мутные глаза, огромный рот и крохотные узкие ноздри. Разило от него протухшим мясом, а вместо одежды на монстре были перья падальщика…

– Я *и правда* тебя знаю, – понял я. – Ты *эврином*.

Попробуйте-ка сказать «*ты эврином*», когда язык во рту не ворочается, вас колотит от ужаса и к тому же вам только что съездила по лицу подушка безопасности в катафалке!

Гуль скривил губы в усмешке. Слюна серебристыми струйками стекала по его подбородку.

– ДА! ЕДА НАЗВАЛА МОЕ ИМЯ!

– Н-но ты же ешь трупы! – возразил я. – Ты должен быть в Подземном мире и служить Аиду!

Гуль наклонил голову набок, словно припоминая, что такое *Подземный мир* и *Аид*. Но, похоже, эти слова нравились ему куда меньше, чем *«убить»* и *«съесть»*.

– АИД ДАВАЛ МНЕ СТАРЫХ МЕРТВЕЦОВ! – рявкнул он. – ХОЗЯИН ДАЕТ МНЕ СВЕЖИХ!

– Хозяин?

– ХОЗЯИН!

Вот бы еще Пернатый Памперс перестал орать. Правда, я не заметил у него ушей, так что, может быть, он не понимает, насколько громко кричит. А может, ему просто хочется разбрызгать свою мерзкую слюну как можно дальше.

– Если ты о Калигуле, – осмелел я, – то уверяю: что бы он тебе ни наобещал, Калигула *не*…

---

[5] Музыканты, исполняющие дэт-метал, стараются сделать все, чтобы их музыка звучала как можно громче и агрессивнее.

[6] Паппарделле – вид яичной лапши.

– ХА! ГЛУПАЯ ЕДА! КАЛИГУЛА НЕ ХОЗЯИН!

– Не хозяин?

– НЕ ХОЗЯИН!

– МЭГ! – завопил я. Уф! Ну вот теперь *и я* стал орать.

– Что? – прохрипела Мэг. Со свирепым воинственным видом она приблизилась ко мне старушечьей походкой, опираясь на мечи-костыли. – Сейчас. Минутку.

Стало ясно, что в этом бою она не сможет взять на себя инициативу. Если Пернатый Памперс доберется до нее, то убьет, а для меня такой расклад на 95 процентов неприемлем.

– Так, эврином, – сказал я, – кем бы ни был твой хозяин, сегодня ты никого убивать и есть не будешь!

Я выхватил из колчана стрелу, наложил ее на тетиву и прицелился. Я проделывал подобное, без преувеличения, уже миллион раз, но сейчас, учитывая дрожащие руки и подгибающиеся коленки, вид у меня был не очень впечатляющий.

Почему вообще смертные трясутся, когда им страшно? Это совершенно нерационально! Если бы *я* создавал людей, то сделал бы так, чтобы в ужасающих ситуациях в них просыпалась непоколебимая решимость и нечеловеческая сила.

Гуль зашипел, разбрызгивая слюну:

– СКОРО АРМИИ ХОЗЯИНА СНОВА ВОССТАНУТ! МЫ ЗАКОНЧИМ НАЧАТОЕ! Я ОБДЕРУ ЕДУ ДО КОСТЕЙ, И ЕДА ПРИСОЕДИНИТСЯ К НАМ!

Еда присоединится к нам? У меня в желудке произошла разгерметизация. Я вспомнил, почему Аид так любил эвриномов. Если их когти хотя бы чуть-чуть ранят смертного, он будет обречен страдать от жуткой болезни. А когда зараженные умирают, они восстают, превращаясь в существа, которых греки называли *вриколакасами*, или зомби, если говорить языком телевидения.

И это еще не самое жуткое. Если эврином поглотит плоть трупа, обглодает его до костей, то скелет оживет и станет невероятно свирепым воином – такую нежить победить очень трудно. Подобные скелеты служили в элитной дворцовой страже Аида, и лично я *не хотел бы* попасть на такую службу.

– Мэг? – Я целился гулю в грудь. – Назад. Не дай этой твари тебя оцарапать.

– Но…

– Прошу! – взмолился я. – Поверь мне хоть раз!

Пернатый Памперс зарычал:

– ЕДА СЛИШКОМ МНОГО БОЛТАЕТ! ХОЧУ ЕСТЬ! – И бросился на меня.

Я выстрелил.

Стрела попала в цель – прямо в грудь гулю, – но отскочила от нее как резиновая киянка от металла. Наконечник из небесной бронзы должен был его хотя бы ранить. Гуль остановился: в груди у него зияла дымящаяся сморщенная рана. Но монстр был еще жив. Может, если мне удастся всадить двадцать или тридцать стрел в то же самое место, получится навредить ему по-настоящему.

Дрожащими руками я наложил на тетиву вторую стрелу.

– Э-это было предупреждение! – соврал я. – Следующий выстрел будет смертельным!

У Пернатого Памперса заклокотало в горле. Я надеялся, что это запоздалый предсмертный хрип, но потом сообразил, что монстр смеется:

– ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я СНАЧАЛА СЪЕЛ ДРУГУЮ ЕДУ? ОСТАВИТЬ ВАС НА ДЕСЕРТ? – Он разжал когти, указав на катафалк.

Я не понял. Я отказывался понимать. Что он там хотел сожрать – подушки безопасности? Обивку?

До Мэг дошло раньше, чем до меня, и она в бешенстве закричала.

Тварь питалась мертвецами. Мы ехали на катафалке.

– НЕТ! – крикнула Мэг. – Не трогай его! – Она поковыляла вперед, занося мечи, но у нее не было сил сражаться с гулем.

Оттолкнув ее плечом, я встал между ней и монстром и начал одну за другой выпускать в него стрелы. Они с искрами ударялись об иссиня-черную шкуру твари, оставляя дымящиеся и, к моей досаде, не смертельные раны. Пернатый Памперс, рыча от боли и извиваясь при каждом ударе, пошатываясь, двинулся ко мне.

Вот он в пяти футах от меня.

Вот уже в двух: выпустил когти и готов вцепиться мне в лицо.

Вдруг позади меня раздался громкий женский голос:

– ЭЙ!

Услышав это, Пернатый Памперс отвлекся, и я, воспользовавшись моментом, отважно плюхнулся на зад и пополз подальше от его когтей.

Пернатый Памперс моргнул, удивленный появлением новых зрителей. В футах десяти от нас стояла разношерстная компания фавнов и дриад, их было около дюжины и все они старались спрятаться за спиной долговязой девушки с розовыми волосами, облаченной в доспехи римского легионера.

Девушка пыталась справиться с каким-то метательным оружием. О боги. *Манубаллиста*. Тяжелый римский арбалет. Это *кошмарные* штуки. Медленные. Мощные. Печально известные своей ненадежностью. Она наложила болт. Взвела рычаг – руки у девушки при этом дрожали так же, как и у меня.

В это время слева от меня в траве стонала, пытаясь встать на ноги, Мэг.

– Ты *толкнул* меня! – возмущалась она, явно желая сказать этим «Благодарю тебя, Аполлон, за то, что спас мне жизнь».

Девушка с розовыми волосами подняла манубаллисту. Длинными подкашивающимися ногами она напоминала мне детеныша жирафа.

– П-пошел прочь от них! – приказала она гулю.

Пернатый Памперс одарил ее порцией фирменного шипения и плевков:

– ЕЩЕ ЕДА! ВЫ ВСЕ ПРИСОЕДИНТЕСЬ К ЦАРСКИМ МЕРТВЕЦАМ!

– Чувак, – один из фавнов нервно почесал живот под футболкой с надписью «НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БЕРКЛИ», – это не круто.

– Не круто, – эхом отозвались несколько его приятелей.

– ТЕБЕ МЕНЯ НЕ ОДОЛЕТЬ, РИМЛЯНКА! – зарычал гуль. – Я ИЗВЕДАЛ ПЛОТЬ ТВОИХ СОБРАТЬЕВ! ПОД КРОВАВОЙ ЛУНОЙ ВЫ ПРИСОЕДИНИТЕСЬ К НИМ…

ХЛОП!

В грудь Пернатому Памперсу воткнулся арбалетный болт из имперского золота. Мутные глаза гуля округлились от изумления. Римская легионерша, казалось, тоже была ошарашена.

– Чувиха, ты попала, – заметил один из фавнов так, словно этим она задела его нежные чувства.

От гуля остался лишь прах да перья. Болт с глухим звуком ударился о землю.

Мэг, хромая, подошла ко мне:

– Видел? Вот как нужно было его убить.

– Ой, замолчи! – буркнул я.

Мы повернулись к нашей неожиданной спасительнице.

Девушка с розовыми волосами задумчиво рассматривала кучку праха, подбородок у нее дрожал, будто она вот-вот расплачется.

– *Ненавижу* этих тварей, – пробормотала она.

– Тебе уже приходилось с ними сражаться? – спросил я.

Она посмотрела на меня так, словно я задал оскорбительно глупый вопрос.

Один из фавнов легонько толкнул ее локтем:

– Лавиния, чувиха, спроси, кто эти ребята.

– Э, точно. – Лавиния прокашлялась. – Вы кто?

Я с трудом встал и попытался собраться:

– Я Аполлон. Это Мэг. Спасибо, что спасли нас.

Лавиния вытаращила глаза:

– Аполлон, в смысле…

– Это долгая история. Мы везем тело нашего друга, Джейсона Грейса, в Лагерь Юпитера для погребения. Вы нам поможете?

У Лавинии отвисла челюсть:

– Джейсон Грейс… мертв?!

Не успел я ответить, как со стороны Двадцать четвертого шоссе раздался полный ярости и боли вопль.

– Хм, слушайте, – сказал один из фавнов, – эти гули вроде как охотятся парами, да?

Лавиния сглотнула:

– Да. Пошли ребята, мы проводим вас в лагерь. А там уж поговорим, – она встревоженно указала на катафалк, – о том, кто умер и почему.

3

Не могу я жвачку жевать и гроб тащить одновременно. И что?

Сколько нужно духов природы, чтобы нести гроб?

Ответ на этот вопрос мне неизвестен, поскольку все дриады и фавны, кроме одного, разбежались и попрятались за деревьями, сообразив, что нужно будет делать. Последний фавн тоже был готов ускользнуть, но Лавиния схватила его за запястье:

– Нет, Дон, даже не думай.

В глазах Дона, прятавшихся за стеклами радужных очков, отразилась паника. Его бородка затряслась, и этот тик напомнил мне о сатире Гроувере.

(Если кому интересно, то фавны и сатиры – это, по сути, одно и то же. Фавны – римский вариант сатиров, и они не отличаются особым талантом к… да и вообще ни к чему.)

– Слушай, я бы с радостью помог, – сказал Дон. – Но я тут вспомнил, что мне надо на прием…

– Сатиры не ходят на приемы, – отрезала Лавиния.

– Я машину вторым рядом припарковал…

– У тебя нет машины.

– Собаку надо покормить…

– Дон! – прикрикнула на него Лавиния. – За тобой ведь должок.

– Ну хорошо, хорошо. – Дон высвободил запястье из ее хватки и с обиженным видом потер его. – Слушай, я, конечно, говорил, что Ипритка может заглянуть к нам на пикник, но ничего не обещал.

Лицо Лавинии стало красным, как терракота:

– Я не об этом! А о том, что тысячу раз тебя прикрывала. Теперь твоя очередь мне помочь разобраться *с этим*. – Она взмахнула рукой, указав на меня, катафалк да, в общем-то, на все вокруг.

Я подумал, что Лавиния, наверное, недавно появилась в Лагере Юпитера. В легионерском облачении ей было явно неудобно. Она все время пожимала плечами, сгибала колени и теребила кулон в виде Звезды Давида, висящий на тонкой длинной шее. Ее добрые карие глаза и взъерошенные розовые волосы только усилили первое впечатление: она и правда походила на детеныша жирафа, который впервые отошел от матери на слабых подкашивающихся ногах и разглядывал саванну, словно удивляясь: «Что я здесь делаю?»

Мэг, стоящая рядом, споткнулась и схватилась за мой колчан, чтобы не упасть, едва не задушив меня при этом.

– А кто это – Ипритка?

– Мэг, – укоризненно сказал я, – это не наше дело. Но я думаю, что Ипритка – это дриада, которая нравится Лавинии, точно так же как тебе в Палм-Спрингс нравился Джошуа.

– *Никто* мне не нравится… – буркнула Мэг.

– *Никто* мне не нравится… – подхватила Лавиния.

Обе девочки замолчали, смерив друг друга хмурым взглядом.

– И вообще, – продолжила Мэг, – разве Ипритка… ну, не ядовитая, как иприт?

Лавиния вскинула руки к небу, и в этом жесте читалось: опять этот вопрос!

– Ипритка потрясающая! Но это не значит, что я прямо-таки побегу с ней встречаться…

– Конечно, чувиха, – фыркнул Дон.

Лавиния посмотрела на него так, словно мечтала всадить в него арбалетный болт.

– Но я думала об этом, хотела узнать, есть ли между нами искра. Поэтому я и решила улизнуть с поста на пикник, а Дон заверил меня, что…

– Так, стоп! – нервно рассмеялся Дон. – Разве нам не нужно отвести этих ребят в лагерь? Что с катафалком? Он еще на ходу?

Беру назад свои слова о том, что у фавнов ни к чему нет таланта. Дон отлично умел менять тему разговора.

При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что катафалку довольно сильно досталось. Его покрывали пахнущие эвкалиптом вмятины и царапины, а капот смялся от удара об отбойник. Теперь он напоминал аккордеон Флако Хименеса[7], после того как я прошелся по нему бейсбольной битой. (Прости, Флако, но ты так хорошо играл, что мне стало завидно, и аккордеон было уже не спасти.)

– Мы можем нести гроб, – предложила Лавиния. – Вчетвером.

Вечерний воздух снова пронзил злобный крик. Он стал ближе, звучал где-то к северу от шоссе.

– Не получится, – возразил я. – Нам не вскарабкаться к туннелю Калдекотт.

– Есть другой путь, – сказала Лавиния. – Секретный вход в лагерь. Он гораздо ближе.

– Ближе – это хорошо, – кивнула Мэг.

– Только вот, – продолжала Лавиния, – сейчас я должна быть в дозоре. Моя смена вот-вот закончится. Не знаю, сколько еще моя напарница сможет меня прикрывать. Поэтому, когда будем в лагере, я расскажу, где и как мы встретились.

Дон вздрогнул:

– Если кто-нибудь узнает, что Лавиния снова покинула пост…

– Снова? – переспросил я.

– Заткнись, Дон, – сказала Лавиния.

С одной стороны, проблемы Лавинии казались сущей мелочью по сравнению, скажем, с тем, чтобы умереть и быть съеденным гулем. С другой – я знал, какие суровые бывают наказания в римских легионах. Довольно часто они не обходились без плеток, цепей и разъяренных зверей – примерно как концерты Оззи Осборна[8] 1980-х годов.

– Похоже, Ипритка и правда запала тебе в сердце, – заключил я.

Лавиния что-то буркнула, подняла болт и погрозила мне им:

– Я помогу тебе, а ты – мне. По рукам?

Мэг ответила за меня:

– По рукам. Быстро ли мы добежим, неся гроб?

Оказалось, что не очень-то быстро.

Мы с Мэг забрали свои вещи из катафалка и взяли гроб Джейсона сзади. Лавиния и Дон – спереди. Мы неуклюже побежали по берегу, а я все время поглядывал на верхушки деревьев, надеясь, что никаких гулей нам на голову больше не свалится.

Лавиния уверяла, что секретный проход находится на том берегу. Но вот незадача: он *на том берегу*, а тащить гроб по воде мы не можем, и значит, нам нужно волочь его примерно четверть мили вокруг озера.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Лавиния, когда я выразил недовольство по этому поводу. – Мы бежали сюда с самого пляжа к вам на помощь. Меньшее, что вы можете сделать, это бежать вместе с нами обратно.

– Да, – согласился я, – но гроб-то тяжелый.

– Он прав! – кивнул Дон.

Лавиния фыркнула:

---

[7] Флако Хименес – легендарный аккордеонист родом из Техаса.

[8] Оззи Осборн – музыкант, рок-певец из Великобритании, один из основателей группы «Black Sabbath».

– Вам, ребятки, стоит попробовать пройти двадцать миль в полном легионерском облачении.

– Нет уж, спасибо, – пробормотал я.

Мэг промолчала. Она была бледная и тяжело дышала, но все же безропотно взвалила на плечо свой край гроба – видно, хотела меня позлить.

Наконец мы добрались до пляжа, где наши спасители устроили пикник. Здесь был установлен знак

«ОЗЕРО ТЕМЕСКАЛ
КУПАЙТЕСЬ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК»

В этом все смертные: о том, что здесь можно утонуть, предупреждают, а о том, что здесь водятся гули, пожирающие плоть, – нет.

Лавиния повела нас к небольшому кирпичному зданию, в котором находились туалеты и раздевалка. С задней стороны здания, наполовину скрытая зарослями ежевики, обнаружилась неприметная железная дверь без таблички, которую Лавиния открыла пинком. За ней вниз, в темноту, уходил коридор с бетонными стенами.

– Я так понимаю, смертные об этом не знают? – спросил я.

Дон захихикал:

– Не, чувак, они думают, тут установлен генератор или типа того. Из легионеров тоже мало кто в курсе. Только самые крутые знают, вроде Лавинии.

– Ты все равно не отвертишься от того, чтобы помогать нам, – сказала Лавиния. – Давайте на секунду поставим гроб.

Я мысленно возблагодарил богов. Плечи ныли от боли. Спина стала скользкой от пота. Совсем как в тот раз, когда Гера заставила меня таскать трон из чистого золота по своей гостиной на Олимпе до тех пор, пока она не нашла для него идеальное место. Эта богиня та еще штучка.

Лавиния достала из кармана джинсов упаковку жвачки. Закинув три пластинки себе в рот, она предложила мне и Мэг последовать ее примеру.

– Спасибо, нет, – отказался я.

– Давай, – сказала Мэг.

– Давай! – сказал Дон.

Лавиния отдернула от него руку:

– Дон, ты же знаешь, что от жвачки тебе плохо. В прошлый раз ты не один день провел в обнимку с унитазом.

– Но она вкусная, – надулся Дон.

Лавиния заглянула в туннель, яростно жуя жвачку.

– Тут слишком узко, чтобы нести гроб вчетвером. Я буду указывать путь. Дон, понесете его вы с Аполлоном, – она нахмурилась, словно до сих пор не могла поверить, что это мое имя, – один возьмется спереди, другой сзади.

– Что, вдвоем?! – возмутился я.

– Он прав! – согласился Дон.

– Просто тащите его как диван, – сказала Лавиния так, будто от этого мне что-то должно было стать понятней. – А ты… как тебя зовут? Пэг?

– Мэг, – ответила Мэг.

– Может, ты что-то оставишь здесь? – спросила Лавиния. – Например… вот эту огромную штуку, которая у тебя под мышкой. Это школьный проект?

Наверное, Мэг жутко устала, потому что не насупилась, не ударила Лавинию и не сделала так, чтобы у нее из ушей полезла герань. Она просто повернулась, заслоняя собой макет Джейсона:

– Нет. Это важно.

– Ладно. – Лавиния почесала брови, которые, как и волосы, были у нее выкрашены в розовый. – Тогда, наверное, держись сзади. Прикрывай нам спину. Эта дверь не запирается, так что…

В этот самый момент с противоположного берега донесся вой, он был громче прежнего и звучал так яростно, будто гуль нашел прах и пернатый подгузник своего павшего товарища.

– Пошли! – скомандовала Лавиния.

Может, первое впечатление от нашей подруги с розовыми волосами и было обманчивым. Слишком уверенно она командовала для робкого малыша-жирафа.

Мы по одному спустились в коридор. Я взял гроб сзади, а Дон – спереди.

В затхлом воздухе распространился аромат жвачки, и теперь вокруг пахло заплесневелой сладкой ватой. Каждый раз, когда Лавиния или Мэг лопали пузырь, я вздрагивал. Пальцы скоро заболели от тяжести гроба.

– Далеко еще? – спросил я.

– Мы только вошли в туннель, – сказала Лавиния.

– То есть… уже недалеко?

– Где-то с четверть мили.

Я попытался закряхтеть, чтобы показать, какой я мужественный и выносливый. Но вышло только хныканье.

– Ребята, – раздался позади меня голос Мэг, – нам нужно идти быстрее.

– Ты что-то заметила? – спросил Дон.

– Пока нет, – ответила Мэг. – Просто предчувствие.

Предчувствия. Терпеть их не могу.

Дорогу нам освещало только оружие. Золотые детали манубаллисты, висящей у Лавинии на спине, слабо светились, отчего вокруг ее розовой головы образовался едва заметный нимб. В сиянии сабель Мэг мы отбрасывали длинные тени на обе стены, и казалось, будто мы движемся в толпе призраков. Каждый раз, когда Дон оглядывался, радужные стекла его очков мерцали в сумраке как бензиновые пятна на воде.

Гроб оттягивал мне руки, и они жутко болели, но у Дона, похоже, с этим было все в порядке. Я же твердо решил, что не стану молить о пощаде раньше фавна.

Коридор стал шире и больше не шел под уклон. Я посчитал это добрым знаком, но ни Мэг, ни Лавиния не предложили мне свою помощь.

Наконец я понял, что больше мои руки не выдержат:

– Стойте.

Мы с Доном поставили гроб Джейсона на пол как раз вовремя: еще секунда – и я бы его уронил. На пальцах у меня остались глубокие красные следы. На ладонях вздувались волдыри. Я чувствовал себя так, будто только что отыграл девятичасовой музыкальный поединок на джаз-гитарах с Патом Мэтини[9] на железной гитаре «Fender Stratocaster» весом шестьсот фунтов.

– Ой, – вздохнул я: ведь когда-то я был богом поэзии и обладал невероятным талантом к описаниям.

– Долго отдыхать нельзя, – предупредила Лавиния. – Моя смена уже закончилась. Напарница наверняка меня заждалась.

Я чуть не рассмеялся. Я и забыл, что помимо всех проблем нужно думать о том, как бы никто не узнал о прогулах Лавинии.

– Твоя напарница тебя заложит?

Лавиния посмотрела в темноту:

[9] Пат Мэтини – американский гитарист и композитор.

– Только в крайнем случае. Она мой центурион, но она классная.

– Центурион разрешила тебе сбежать?! – спросил я.

– Не совсем. – Лавиния взялась за кулон в виде Звезды Давида. – Просто закрыла на это глаза. Она понимает, каково это.

– Каково это – влюбиться? – хихикнул Дон.

– Нет! – воскликнула Лавиния. – Каково это – стоять на посту пять часов кряду. Брр. Я просто не могу! Особенно после всего, что недавно произошло.

Я заметил, как Лавиния теребит кулон, бешено жует жвачку, как дрожат ее длинные ноги. У большинства полубогов есть синдром дефицита внимания и гиперактивности. Так заложено природой: они должны быть в постоянном движении, выдерживать одну битву за другой. Но для Лавинии в диагнозе СДВГ особенной явной была буква «Г», отвечающая за гиперактивность.

– Говоря о том, что недавно произошло, ты… – начал я, но тут Дон напрягся. Нос и бородка у него зашевелились.

Я провел достаточно времени с Гроувером Ундервудом в Лабиринте и понимал, что это значит.

– Что ты почуял? – требовательно спросил я.

– Не уверен… – Он принюхался. – Но оно близко. И воняет.

– Ой. – Я залился краской. – Я утром был в душе, но стоит напрячься – и это смертное тело потеет…

– Дело не в этом. Слушайте!

Мэг повернулась туда, откуда мы пришли. Она занесла мечи и застыла в ожидании. Лавиния сняла со спины манубаллисту и вглядывалась в темный туннель впереди.

Наконец за громкими ударами своего сердца я сумел различить лязг металла и гулкие шаги. Кто-то бежал к нам.

– Они близко, – сказала Мэг.

– Нет, стой, – перебила ее Лавиния. – Это она!

Интуиция подсказывала мне, что Мэг и Лавиния говорили о разном, и я сомневался, что какой-то из этих вариантов мне понравится.

– Кто «она»? – спросил я.

– Где они? – пискнул Дон.

Лавиния подняла руку и крикнула:

– Я здесь!

– Тссс! – шикнула Мэг, все еще глядя назад. – Лавиния, ты что творишь?!

Тут сияние нашего оружия осветило девушку, появившуюся со стороны Лагеря Юпитера.

На вид ей было примерно столько же, сколько Лавинии – лет четырнадцать или пятнадцать. Смуглая. С глазами янтарного цвета. На плечи ниспадали каштановые кудри. Поверх джинсов и фиолетовой футболки мерцали поножи и нагрудник легионера. К ее нагруднику была прикреплена эмблема центуриона, а на боку у девушки висела спата – меч, бывший в ходу у конницы. Ах. Да… я вспомнил: она была среди полубогов на Арго II.

– Хейзел Левеск, – сказал я. – Слава богам.

Хейзел остановилась, явно не понимая, кто я такой, откуда ее знаю и почему улыбаюсь как дурак. Она взглянула на Дона, затем на Мэг и на гроб:

– Лавиния, что происходит?

– Ребята, – прервала ее Мэг. – У нас гости.

И она имела в виду не Хейзел. Позади нас, на границе тьмы и света, излучаемого скимитарами Мэг, двигалась темная фигура. Ее иссиня-черная кожа блестела, а с зубов капала слюна. Потом из сумрака показался второй гуль, как две капли воды похожий на первого.

Нам, как всегда, повезло. Эвриномы сегодня шли по акции: убей одного – и получи двух бесплатно.

4

Сыграю на укулеле?
Не надо меня потрошить
Нет так нет

– А, – тихо проговорил Дон. – Так *вот что* воняет.

– Вы вроде сказали, что они охотятся парами, – сказал я.

– Или тройками, – проскулил фавн. – Иногда тройками.

Эвриномы рычали, извиваясь, но оставаясь в недосягаемости от клинков Мэг. У меня за спиной Лавиния вручную заряжала манубаллисту – *щелк-щелк-щелк,* – но с таким оружием быстро не управиться, и ждать ее можно было до следующего вторника. Хейзел вытащила из ножен лязгнувшую спату. Тоже не лучшее оружие для ближнего боя.

Мэг, похоже, не могла решить, что ей делать: броситься в атаку, стоять на месте или рухнуть от усталости. Милая упрямая девочка, да благословят ее боги, по-прежнему держала под мышкой макет Джейсона, который в битве ей только помешает.

Я потянулся за оружием – и нащупал укулеле. А почему нет? Выглядит не многим смешнее, чем спата или манубаллиста. И хотя мой нос пострадал от удара подушки безопасности, на обонянии это, увы, никак не сказалось. Вонь, которая исходила от гулей, смешалась с запахом жвачки, отчего мои ноздри пылали, а глаза слезились.

– ЕДА, – проговорил первый гуль.

– ЕДА! – согласился второй.

В их голосе было столько радости, словно мы их любимое блюдо, по которому они успели соскучиться.

Хейзел очень спокойно сказала:

– Ребята, мы уже бились с этими тварями. Не дайте им себя поцарапать. – Судя по ее тону, она имела в виду конкретное и весьма устрашающее событие.

Я вспомнил, как в Лос-Анджелесе Лео Вальдес рассказывал нам, что Лагерь Юпитера сильно пострадал и понес большие потери в последней битве. И теперь я начал понимать, насколько все серьезно.

– Никаких царапин, – кивнул я. – Мэг, держи их на расстоянии. Попробую спеть.

Мой план был прост: наиграю скучную мелодию, убаюкаю монстров до одури, чтобы затем убить – спокойно и цивилизованно.

Но я недооценил, насколько сильно эвриномы ненавидят укулеле. Стоило мне заявить о своих намерениях – как они с воем бросились на нас.

Я попятился и с размаху рухнул на гроб Джейсона. Дон завизжал и съежился. Лавиния продолжала заряжать манубаллисту. Хейзел вопила:

– Отойдите!

Но я в тот момент не понимал, чего она хочет.

Мэг рванулась в бой: отрубила одному гулю руку, попыталась сбить с ног другого, но двигалась она медленно, да и с макетом под мышкой могла нормально сражаться лишь одной саблей. Если бы гули захотели ее убить – ей было бы не сдобровать. Но монстры проигнорировали Мэг, явно намереваясь не дать мне опять ударить по струнам.

Музыканта каждый норовит обидеть.

– ЕДА! – вопил однорукий гуль, потянувшись ко мне оставшимися пятью когтями.

Я постарался втянуть живот. Правда постарался.

А все проклятый жирок! Будь я в своей божественной форме, когти гуля ни за что не достали бы меня. Были бы при мне мои бронзовые кубики – я бы посмеялся над любым монстром, протянувшим ко мне свои лапы. Но, увы, тело Лестера снова меня подвело.

Рука эвринома скользнула по моему торсу, как раз под укулеле. И кончиком среднего пальца – едва заметно – провела по животу. Коготь прорезал футболку и словно тупой бритвой царапнул кожу.

Я качнулся в сторону и свалился с гроба Джейсона, чувствуя, как теплая кровь потекла за пояс.

Хейзел с воплем перемахнула через гроб и воткнула спату эвриному прямо в ключицу, сотворив первого в мире гуля на палочке.

Эврином заорал и, подавшись назад, вырвал спату из руки Хейзел. Рана, нанесенная клинком из имперского золота, дымилась. А затем – тут придется сказать как есть – монстр взорвался, разлетевшись на дымящиеся крошащиеся комки пепла. Спата, звякнув, упала на каменный пол.

Второй гуль остановился и повернулся к Мэг: еще бы, каждый на его месте поступил бы так же, если бы его резанула мечом по бедру надоедливая двенадцатилетняя девчонка. Но услышав крик товарища, он переключился на нас. У Мэг появилось преимущество, но вместо того, чтобы напасть на монстра, она оттолкнула его и бросилась ко мне, превратив скимитары в кольца.

– Ты как? – спросила она. – О НЕТ! У тебя кровь! Ты же сказал «никаких царапин» – но у тебя *царапина*!

Я не знал, умиляться ее беспокойству или обидеться на то, каким тоном она мне выговаривала:

– Я *не специально*, Мэг.

– Ребята! – крикнула Лавиния.

Гуль вышел вперед и встал между Хейзел и ее упавшей спатой. Дон старался съежиться как можно сильнее. Лавиния все еще заряжала манубаллисту. Мы с Мэг были зажаты между стеной и гробом Джейсона.

И только безоружная Хейзел теперь стояла между эвриномом и его обедом из пяти блюд.

Монстр зашипел:

– Вам не победить. – Его голос изменился: он стал ниже, громкость и тональность его все время менялись. – Вы присоединитесь к своим товарищам в моей гробнице.

В голове у меня пульсировала боль, живот ныл, и я не понимал, о чем он говорит, но Хейзел, кажется, понимала.

– Кто ты? – требовательно спросила она. – Может, хватит прятаться за монстрами? Покажись!

Эврином моргнул. Его мутные белые глаза вспыхнули пурпуром, словно окрашенное йодом пламя.

– Хейзел Левеск. Уж кто-кто, а ты должна понимать, насколько зыбкая граница отделяет жизнь от смерти. Но не бойся. Тебе и твоему любимому Фрэнку я приготовил у себя особое место. Из вас получатся великолепные скелеты.

Хейзел сжала кулаки. Когда она обернулась, лицо у нее было почти таким же устрашающим, как у гуля.

– Отойдите, – приказала она. – Как можно дальше.

Мэг фактически оттащила меня к переднему краю гроба. Мне казалось, что живот мой застегнут на раскаленную молнию. Лавиния схватила Дона за ворот футболки и потянула туда, где было безопасней трястись от страха, сжавшись в комок.

Монстр усмехнулся:

– И чем ты собираешься сокрушить меня, Хейзел? Вот этим? – Он пинком отбросил спату в темный коридор. – Я призвал еще больше нежити. Скоро она будет здесь.

Я поднялся, превозмогая боль. Бросить Хейзел на произвол судьбы я просто не мог. Но Лавиния положила руку мне на плечо.

– Стой, – тихо проговорила она. – Хейзел справится.

Надеяться на это было просто смешно, но, к своему стыду, я остался на месте. Теплая кровь пропитала мое белье. Во всяком случае, я надеялся, что это кровь.

Эврином вытер слюну когтистым пальцем:

– Если не хочешь бежать, оставив здесь этот славный гроб, можешь сдаться. Под землей мы сильны, дочь Плутона. Слишком сильны для тебя.

– Правда? – Голос Хейзел звучал спокойно, словно она вела обычный разговор. – Сильны под землей, значит. Я это учту.

Туннель задрожал. В стенах появились трещины, камень изрезали зигзаги расселин. Вдруг из земли, прямо в том месте, где стоял гуль, взметнулся вверх неровный каменный столб, который пригвоздил монстра к потолку, и он разлетелся облаком стервятничьих перьев.

Хейзел посмотрела на нас так, будто ничего особенного не случилось:

– Дон, Лавиния, возьмите это… – Она с трудом заставила себя посмотреть на гроб. – Унесите его отсюда. А ты, – указала она на Мэг, – пожалуйста, помоги своему другу. У нас в лагере есть целители, которые умеют лечить царапины гулей.

– Погоди! – сказал я. – Ч-что это такое было? Его голос…

– Я уже видела, как подобное происходит с гулем, – мрачно ответила Хейзел. – Позже все объясню. А теперь идите. Я вас догоню. – Я хотел было возразить, но Хейзел покачала головой. – Я просто найду свой клинок и удостоверюсь, что ни одна из этих тварей не сможет подкрасться к нам сзади. Идите!

Из свежих трещин в потолке посыпались камешки. Может, нам и правда стоит поторопиться. Опираясь на Мэг, я заковылял по туннелю. Лавиния и Дон тащили гроб Джейсона. Боль мучила меня так сильно, что даже не было сил крикнуть им, чтобы они несли его как диван.

Когда мы прошли футов пятьдесят, туннель позади нас затрясся сильнее прежнего. Я оглянулся, и мне в лицо полетели обломки.

– Хейзел? – позвала Лавиния, вглядываясь в клубящуюся пыль.

Через мгновение появилась Хейзел Левеск, с ног до головы покрытая сверкающей кварцевой крошкой. У нее в руке светилась спата.

– Я в норме, – заявила она. – Но этот тайный ход теперь заблокирован. А сейчас, – она указала на гроб, – не хочет ли кто-нибудь рассказать мне, кто там?

Я совершенно не хотел ничего ей рассказывать. Ведь я только что наблюдал, как Хейзел пригвоздила своего противника к потолку.

И все же… Ради Джейсона я должен это сделать. Хейзел была его подругой.

– Там Джейсон, – сказала она, словно кто-то шепнул ответ ей на ухо. – О боги.

Она подбежала к гробу. Рухнула на колени, уронила руки на крышку. И горестно всхлипнула. Она наклонила голову и, не издавая ни звука, задрожала. Ее локоны чертили на покрытом кварцевой пылью полированном дереве изогнутые линии, похожие на сейсмограмму.

Не поднимая головы, Хейзел пробормотала:

– Мне снились кошмары. Корабль. Человек на коне. И… и копье. Как это произошло?

Я постарался все объяснить. Рассказал ей, как был низвергнут в мир смертных, о наших с Мэг приключениях, о битве на яхте Калигулы и о том, как Джейсон погиб, спасая нас. Пока я говорил, ко мне вернулись боль и ужас пережитого. Я вспомнил, как резко пахли озоном духи воздуха, вихрящиеся вокруг Мэг и Джейсона, как впивались мне в запястья стяжки-наручники, вспомнил беспощадного Калигулу и его радостный крик «Тебе не уйти от меня живым!».

Все это было настолько ужасно, что я тут же забыл о мучительно ноющем порезе на животе.

Лавиния смотрела под ноги. Мэг изо всех сил зажимала мне рану запасным платьем из рюкзака. Дон разглядывал потолок, где прямо над нами ползли зигзаги новых трещин.

– Простите, что вмешиваюсь, – сказал фавн, – но, может, договорите снаружи?

Хейзел прижала пальцы к крышке гроба:

– Я так зла на тебя. За то, как ты поступил с Пайпер. И с нами. За то, что не дал нам помочь. О чем ты только думал!

Я не сразу понял, что она обращается не ко мне. Она говорила с Джейсоном.

Хейзел медленно встала на ноги. Губы у нее дрожали. Она выпрямилась, словно усилием воли подняла внутри себя кварцевые колонны – опору для костей.

– Я помогу вам нести, – сказала она. – Вернем его домой.

Мы шли молча, с головы до ног покрытые пылью и пеплом, оставшимся от монстра. Более мрачных носильщиков гроба мне еще не приходилось встречать. Лавиния, которая держала гроб спереди, неловко двигалась в своих доспехах и время от времени поглядывала на Хейзел, смотрящую прямо перед собой. Хейзел, похоже, даже не заметила пера, прилипшего к ее рукаву.

Мэг и Дон держали гроб сзади. После аварии у Мэг вокруг глаз налились синяки, и теперь она напоминала большого безвкусно одетого енота. Дон то и дело вздрагивал и наклонял голову влево, словно пытался услышать, что говорит левое плечо.

Я ковылял за ними, прижимая к животу запасное платье Мэг. Кровотечение вроде бы прекратилось, но рана все так же болела, кожу жгло. Я надеялся, что Хейзел не ошиблась и целители сумеют меня вылечить. Перспектива пополнить ряды массовки в сериале «Ходячие мертвецы» меня не очень-то прельщала.

От спокойствия Хейзел мне было не по себе. Наверное, лучше бы она кричала и швырялась в меня вещами. Ее горе давило на меня – это была ледяная тяжесть горы. Когда стоишь рядом с горой, закрыв глаза, не видя и не слыша ее, ты все равно чувствуешь ее: невероятно тяжелую, могучую земную силу, настолько древнюю, что даже бессмертные боги рядом с ней чувствуют себя мошками. Мне было страшно представить, что будет, если чувства Хейзел выплеснутся наружу словно лава из жерла вулкана.

Наконец мы оказались на свежем воздухе. Мы стояли на каменном выступе примерно на середине склона, под нами раскинулась долина Нового Рима. В сумерках холмы окрасились в фиолетовый цвет. Прохладный ветер доносил до нас запахи дыма и сирени.

– Ого! – восхищенно сказала Мэг.

Все было в точности как я помнил: Малый Тибр, кажущийся сверкающей изогнутой лентой, нес свои воды по дну долины и впадал в синее озеро в том месте, где на теле лагеря мог бы располагаться пупок. На северном берегу озера стоял Новый Рим – уменьшенная копия столицы империи.

Памятуя о битве, которую упоминал Лео, я рассчитывал увидеть город в руинах. Но издалека, в свете угасающего дня, все казалось обычным: белые здания с красной черепицей на крыше, Сенат, Большой цирк и Колизей.

На южном берегу располагалась Храмовая гора, где находились всевозможные храмы и монументы. На вершине, затмевая собой другие святилища, возвышался храм моего отца – свидетельство его непомерного самолюбия: храм Юпитера Оптимуса Максимуса. Не знаю, возможно ли это, но мне казалось, что Юпитер – его римское воплощение – был еще более невыносим, чем Зевс – его первоначальная греческая форма. (И да, мы, боги, обладаем множеством воплощений, потому что вы, смертные, все время по-разному нас представляете. Знали бы вы, как это раздражает!)

Раньше Храмовая гора меня бесила, потому что мое святилище не было самым большим. Ведь очевидно, что оно *должно быть* самым большим. Но теперь мне не хотелось смотреть на нее по другой причине. При виде нее я думал лишь о макете, который несла Мэг, и о блокнотах в ее рюкзаке (в них были наброски Джейсона Грейса, желавшего преобразить Храмовую гору). По сравнению с пенопластовой горой Джейсона, с приклеенными домиками из «Монополии» и подписанными вручную храмами, настоящая гора казалась недостойной богов. В ней не было доброты Джейсона, его страстного желания почтить каждого бога, не обойдя никого стороной.

Сделав над собой усилие, я отвернулся.

Прямо под нами, примерно в полумиле, располагался и сам Лагерь Юпитера. Стены с кольями, смотровые башни, траншеи, аккуратные ряды казарм, вытянувшиеся вдоль двух главных улиц, – все говорило о том, что перед нами типичный римский лагерь, такой мог бы встретиться в любой части древней империи в любой момент долгого процветания Рима. Римляне всегда строили свои крепости одинаково – не важно, на сколько они собирались в них обосноваться: на ночь или на десять дней, – так что, увидев один лагерь, ты, считай, повидал их все. Даже если проснешься посреди ночи и тебе придется двигаться в полной темноте, ты будешь точно знать, где что находится. Конечно, когда я посещал римские лагеря, я обычно проводил все время в палатке полководца, бездельничая и поедая виноград, совсем как тогда, с Коммодом… О боги, зачем я только мучаю себя этими воспоминаниями?!

– В общем, – голос Хейзел вернул меня в реальность, – когда доберемся до лагеря, скажем, что все было так: Лавиния, ты пошла к озеру Темескал по моему приказу, потому что увидела, как катафалк свалился с дороги. Я оставалась на посту, пока меня не сменили, затем отправилась на помощь, решив, что тебе может грозить опасность. Мы победили гулей, спасли этих ребят и так далее. Ясно?

– Да, кстати… – перебил ее Дон. – Вы ведь теперь и без меня справитесь? Вы же не хотите лишних вопросов. Так что, может, я потихоньку пойду…

Лавиния выразительно посмотрела на него.

– Ладно, побуду с вами, – поспешно добавил он. – Рад помочь и все такое.

Хейзел покрепче ухватилась за ручку гроба:

– Не забывайте, что мы почетный караул. Пусть мы все в грязи – мы обязаны исполнить свой долг. Мы возвращаем домой павшего товарища. Вам понятно?

– Да, центурион, – смущенно проговорила Лавиния. – И, Хейзел… Спасибо.

Хейзел поморщилась, словно жалея, что дала слабину.

– Когда дойдем до принципии… – ее взгляд остановился на мне, – наш божественный гость расскажет командирам, что случилось с Джейсоном Грейсом.

5

Всем привет
Спою вам песенку «О том, какой я лузер»

Часовые легиона заметили нас издалека, как и положено часовым легиона.

Когда наша скромная компания добралась до центральных ворот, возле них уже собралась толпа. Полубоги выстроились по обочинам дороги и, не произнося ни слова, с интересом наблюдали, как мы несем гроб Джейсона по лагерю. Никто ни о чем не спрашивал. Никто не пытался нас остановить. Но под их взглядами двигаться было тяжело.

Хейзел повела нас по Виа Претория.

Легионеры, стоящие у входов в казармы, отвлекались от полировки оружия, откладывали гитары и карточные игры. Светящиеся фиолетовым лары, домашние духи легиона, сновали вокруг, проплывали сквозь стены и людей, нисколько не заботясь о личном пространстве других. Вверху кружили огромные орлы и разглядывали нас, словно прикидывая, сгодимся ли мы на роль вкусных грызунов.

Я начал замечать, как мало вокруг народу. Лагерь казался… нет, не то чтобы опустевшим – но его обитателей было вдвое меньше, чем обычно. Несколько юных героев передвигались на костылях. У других были загипсованы руки. Может, остальные просто в казармах, или лежат в лазарете, или находятся в долгом походе, но испуганные горестные лица наблюдающих за нами легионеров меня совсем не радовали.

Я вспомнил, как эврином на озере Темелскал злорадствовал: «Я ИЗВЕДАЛ ПЛОТИ ТВОИХ СОБРАТЬЕВ! ПОД КРОВАВОЙ ЛУНОЙ ВЫ ПРИСОЕДИНИТЕСЬ К НИМ…»

Мне было неизвестно, что это за кровавая луна такая. В лунных делах куда лучше разбирается моя сестра. Но слова его мне не понравились. Хватит с меня крови. И судя по виду легионеров, они со мной согласятся.

В памяти всплыли другие слова гуля: «ВЫ ВСЕ ПРИСОЕДИНТЕСЬ К ЦАРСКИМ МЕРТВЕЦАМ». Я подумал о пророчестве, полученном в Горящем Лабиринте, и в голове закрутились тревожные мысли, которые я постарался тут же отогнать: на сегодня мой лимит ужасов исчерпан.

Мы миновали витрины лавочек: некоторым торговцам разрешалось продавать свой товар в крепости. Здесь было лишь самое необходимое: салон по продаже колесниц, арсенал, лавка с товарами для гладиаторов и кофейня. Рядом с кофейней стоял двухголовый бариста в зеленом фартуке, заляпанном пенкой от латте, и, обратив к нам оба лица, не спускал с нас глаз.

Наконец мы приблизились к главному перекрестку: две дороги пересекали друг друга рядом с принципией. На ступенях белоснежного здания штаба уже ждали преторы легиона.

Я едва узнал Фрэнка Чжана. Когда я увидел его впервые – я тогда был богом, а он новичком в легионе, – Фрэнк был плотным мальчишкой с детским личиком и короткими темными волосами, умилительнее всего была его искренняя одержимость стрельбой из лука. Он надеялся, что я окажусь его отцом. И постоянно мне молился. Честно говоря, он был таким лапочкой, что я бы с радостью его усыновил – но, увы, отцом его был Марс.

Во второй раз я видел Фрэнка, когда он путешествовал на «Арго II». Уж не знаю, что с ним приключилось: скачок роста, инъекции магического тестостерона или что-то еще, но он стал выше, сильнее и внушительнее, хотя по-прежнему напоминал милого и пушистого медвежонка гризли.

А теперь, как это часто бывает с юношами в период взросления, вес Фрэнка начал расти, компенсируя тот самый скачок роста. Он снова превратился в крупного, полного парня с детскими щечками, которые так и хотелось ущипнуть, разве что сейчас он стал выше и муску-

листей. Похоже, к нам он прибежал, выскочив из постели, хотя вечер еще только начался. Одна штанина его джинсов была заправлена в носок, а вместо футболки на нем была пижамная рубашка из желтого шелка, разрисованная орлами и медведями. Эту модную вещицу он пытался скрыть под пурпурным плащом претора.

Но его манера держать себя осталась прежней: поза была какой-то неуклюжей, он смущенно хмурился, будто задаваясь вопросом «Неужто мне и правда здесь место?».

И его можно понять. Фрэнк очень быстро из пробацио стал центурионом, а затем и претором. Я не видел такой стремительной и яркой военной карьеры у римлян со времен Юлия Цезаря. Но Фрэнку бы я об этом рассказывать не стал – учитывая то, что случилось с моим приятелем Юлием.

Я перевел взгляд на девушку, стоящую рядом с Фрэнком, – это была претор Рейна Авила Рамирез-Ареллано… и тут я вспомнил.

Паника огромным комком, размером с шар для боулинга, облепила мне сердце и сползла в самый низ живота. Хорошо, что не я нес гроб Джейсона, иначе точно бы его уронил.

Как же вам объяснить, что со мной происходило…

Бывало ли с вами такое, что какие-то воспоминания полностью вытеснялись из вашей памяти, потому что были слишком мучительными и постыдными? Знаете, когда сознание дистанцируется, стараясь убежать от пережитого ужаса, вопя «*нет-нет-нет*», а потом наотрез отказывается возвращаться к этим воспоминаниям?

Именно таким воспоминанием была для меня Рейна Авила Рамирез-Ареллано.

О да, я знал, кто она такая. Мне были известны и ее имя, и ее репутация. Я прекрасно понимал, что нам придется встретиться с ней в Лагере Юпитера. Именно это предрекло мне пророчество из Горящего Лабиринта.

Но слабый человеческий мозг не желал делать главного – признавать связи двух фактов: ведь эта Рейна была *той самой* Рейной, лицо которой мне когда-то давно показала одна вредная богиня любви.

«Это она! – вопил мой мозг, когда я предстал перед ней во всем великолепии – пухлый и прыщавый, прижимающий к животу окровавленное платье. – *Ух ты, да она красотка!»*

«*Теперь ты ее узнал?* – мысленно крикнул я в ответ. – *Теперь ты решил о ней поговорить? Будь другом, забудь все опять!»*

«Но ты же помнишь, что сказала Афродита? – настаивал мозг. – *Ты должен держаться подальше от Рейны, иначе…»*

«Да помню я! Заткнись!»

Вы ведь тоже так разговариваете со своим мозгом, правда? Это же абсолютно нормально, да?

Рейна и впрямь была красивой и внушала уважение. Ее доспехи из имперского золота покрывала пурпурная мантия. На груди сверкали военные медали. Хвост из темных волос был перекинут через плечо словно кнут, а обсидиановые глаза смотрели так же пронзительно, как глаза орлов, кружащих над нашими головами.

Наконец я сумел отвести от нее взгляд. От унижения у меня горели щеки. Мне казалось, что я снова слышу, как боги смеются после страшного предсказания Афродиты, что случится, если я осмелюсь…

ДИНЬ! Именно в этот момент зарядный механизм в манубаллисте Лавинии решил взвестись еще чуть-чуть, чем привлек к ней всеобщее внимание.

– Э-э… в общем, – запинаясь, начала она, – мы стояли на посту, и я увидела, как с дороги вылетел катафалк…

Рейна остановила ее, подняв руку.

– Центурион Левеск, – сказала она сдержанно и устало, словно мы не были первыми, кто явился в лагерь с гробом, – докладывайте.

Хейзел бросила взгляд на тех, кто помогал ей держать гроб, и вместе они аккуратно опустили его на землю.

– Преторы, – сказала Хейзел, – мы спасли этих путешественников на границе лагеря. Это Мэг.

– Привет, – кивнула Мэг. – Где тут туалет? Я хочу писать.

Хейзел явно смутилась:

– Э… Сейчас, Мэг. А это… – Она замялась, будто сама не могла поверить в то, что сейчас скажет. – Это Аполлон.

Толпа встревоженно загомонила. Я услышал обрывки фраз:

– Она сказала…

– Неужто на самом деле…

– Этот чувак не может быть…

– Его что, назвали в честь…

– Парень-то размечтался…

– Успокойтесь, – призвал всех к порядку Фрэнк Чжан, поплотнее запахивая пурпурную мантию, чтобы прикрыть пижаму. Он пристально посмотрел на меня, вероятно пытаясь обнаружить признаки того, что я на самом деле Аполлон – бог, которым он всегда восхищался. А затем моргнул, как будто мысль об этом устроила в его мозгу короткое замыкание. – Хейзел, ты можешь… все объяснить? – взмолился он. – И… хм… что это за гроб?

Хейзел подняла на меня золотые глаза, молча приказав: «Рассказывай».

Я не знал, с чего начать.

Я не был прекрасным оратором, как Юлий или Цицерон. И не умел травить байки, как Гермес. (О боги, этот парень врет как дышит!) Как мне рассказать о долгих месяцах страшных испытаний, которые привели нас с Мэг сюда с телом нашего героического друга?

Я взглянул на укулеле.

Вспомнил, что сделала Пайпер Маклин на яхтах Калигулы: как она, столкнувшись с матерыми наемниками, запела «Жизнь-иллюзию». И лишила их сил, заворожив песней, полной тоски и сожаления.

Я не умел завораживать словом, как Пайпер. Но я музыкант, а Джейсон, без сомнений, заслужил, чтобы ему отдали дань уважения.

После встречи с эвриномом я с подозрением относился к своему укулеле и поэтому начал петь а капелла.

На первых тактах мой голос дрожал. Я понятия не имел, что делаю. Слова всплывали откуда-то из глубины, как облака пыли и обломков в туннеле, обрушенном Хейзел.

Я пел о низвержении с Олимпа, о том, как приземлился в Нью-Йорке и оказался связанным с Мэг Маккаффри. Я пел о Лагере полукровок, где мы узнали, что Триумвират задумал захватить великие оракулы, чтобы вершить судьбу мира. Я пел о детстве Мэг, о том, что она долгие годы жила при дворе Нерона, подвергавшего ее психологическому насилию, и о том, как мы в конце концов выдворили этого императора из Рощи Додоны. Я пел о сражении с Коммодом на Станции в Индианаполисе и о кошмарном путешествии по Горящему Лабиринту Калигулы, куда мы отправились, чтобы освободить Эритрейскую Сивиллу.

После каждого куплета я пел рефрен о Джейсоне: о том, как он насмерть стоял там, на яхте Калигулы, и храбро встретил смерть, дав нам шанс выжить и продолжить квест. Все наши испытания вели Джейсона к его жертве. Всё, что может произойти дальше, если нам повезет и мы одолеем и Триумвират, и Пифона в Дельфах, возможно только благодаря ему.

Песня была вовсе не обо мне. (Знаю. Сам в шоке.) Это было «Падение Джейсона Грейса». В последних куплетах я рассказал о мечте Джейсона преобразовать Храмовую гору, построить новые святилища, чтобы всех богов и богинь, насколько бы малоизвестными они ни были, почитали должным образом.

Забрав у Мэг макет, я поднял его, показал полубогам и возложил на гроб Джейсона как флаг.

Не знаю, сколько я пел. Когда прозвучала последняя строчка, небо уже совсем потемнело. Горло горело и пересохло как гильза, только что лишившаяся пули.

Гигантские орлы сидели на крышах близлежащих домов. Их глаза были устремлены на меня, и в них читалось что-то вроде уважения.

По щекам легионеров текли слезы. Кто-то шмыгал носом. Другие рыдали, обнявшись.

Я понял, что они оплакивают не только Джейсона. Песня помогла им дать выход скорби, поселившейся в их сердцах после недавней битвы, после потерь, которые, судя по поредевшим рядам полубогов, были очень большими. Песня о Джейсоне стала песней о них. Отдавая дань уважения ему, они могли почтить память всех павших.

В лицах преторов, стоящих на ступенях принципии, читалась невыносимая боль. Рейна глубоко и судорожно вдохнула и обменялась взглядами с Фрэнком, у которого, как он ни старался это скрыть, дрожала нижняя губа. Похоже, они достигли молчаливого согласия.

– Мы устроим почетную церемонию, – объявила Рейна.

– И осуществим мечту Джейсона, – добавил Фрэнк. – Построим храмы и… всё, что Джей… – На имени Джейсона его голос дрогнул, и Фрэнку понадобилось секунд пять, чтобы собраться. – Все, что он задумал. Управимся за выходные.

Настроение собравшихся изменилось подобно тому, как меняется погода. Их горе сменилось твердой решимостью.

Некоторые кивали, тихо соглашаясь. Кто-то выкрикнул *«Аве!»* – «Слава!». Остальные подхватили. Копья ударили в щиты.

Никто не усомнился в том, что можно переустроить Храмовую гору за выходные. Подобная задача была бы не по силам даже самым опытным инженерным войскам. Но это был римский легион.

– Аполлон и Мэг – гости Лагеря Юпитера, – сказала Рейна. – Мы найдем им жилье…

– И туалет! – взмолилась Мэг, переминаясь на скрещенных ногах.

Рейна слабо улыбнулась:

– Конечно. Вместе мы оплачем погибших и почтим их память. А после обсудим план военных действий.

Легионеры одобрительно закричали и ударили в щиты.

Я открыл рот, чтобы выдать красивую речь и поблагодарить Рейну и Фрэнка за гостеприимство. Но вся остававшаяся у меня энергия ушла на песню. Рана на животе горела. Голова кружилась – казалось, она вертится на шее как карусель.

И я упал ничком на землю.

6

Плыву воевать на север
Пью «Ширли Темпл» с тремя вишенками. Страшитесь!

Ох уж эти сны.

Дорогой читатель, если тебе надоело слушать про мои жуткие кошмары, я тебя не виню. Но представь, каково было *мне*, которому они снились. Все равно что дельфийская пифия названивала бы мне всю ночь, случайно набирая номер, и бормотала строчки пророчеств, о которых я не просил и которые не желал слышать.

Я увидел ряд роскошных яхт, разрезающих озаренные лунным светом волны на пути к побережью Калифорнии – пятьдесят кораблей, идущих клином вплотную друг к другу: вдоль носов шли ряды ламп, на освещенных радиовышках трепетали на ветру пурпурные знамена. Палубы кишели всевозможными монстрами: циклопами, дикими кентаврами, ушастыми пандами и блеммиями, лица которых располагались на груди. На корме каждой яхты группы чудовищ сооружали то ли навесы, то ли… какие-то метательные орудия.

Затем я увидел мостик главного корабля. Команда суетилась, поглядывая на мониторы и корректируя работу приборов. Позади них, развалившись в обитых золотой тканью креслах фирмы «La-Z-Boy» с откидывающейся спинкой, сидели два самых ненавистных мне человека.

Слева сидел император Коммод. Его пастельно-голубые пляжные шорты открывали покрытые ровным загаром икры и босые ноги с аккуратным педикюром. Под расстегнутым серым худи с эмблемой «Индианапольских Жеребцов» виднелись голая грудь и идеальный пресс. С его стороны было довольно смело носить вещи с символикой «Жеребцов», ведь несколько недель назад он потерпел от нас унизительное поражение на домашнем стадионе этой команды. (Конечно, и на нашу долю унижений хватило, но мне хотелось об этом забыть.)

Он почти не изменился: отвратительно красив, с надменным профилем, золотые локоны обрамляют лоб. Только кожа вокруг глаз выглядела так, словно подверглась пескоструйной обработке. Зрачки были мутными. В последнюю нашу встречу я ослепил его вспышкой божественного сияния, и за такой короткий срок он, конечно, еще не успел исцелиться. Только этому я и обрадовался, увидев его сейчас.

Во втором кресле сидел Гай Юлий Цезарь Август Германик, также известный как Калигула.

От ярости сон окрасился в кровавый цвет. Как он смеет сидеть тут, беззаботно развалившись, в смехотворном наряде капитана: белых брюках-слаксах, мокасинах, синем пиджаке, надетом поверх полосатой рубашки без ворота и залихватски сдвинутой набок фуражке поверх орехового цвета кудрей, – когда несколько дней назад он убил Джейсона Грейса?! Как смеет попивать напиток со льдом, украшенный тремя засахаренными вишнями – *тремя! Чудовищно!* – и улыбаться так самодовольно?!

Калигула казался обычным человеком, но я слишком хорошо его знал, и не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Мне хотелось его придушить. Но, увы, я мог только наблюдать и кипеть от ярости.

– Лоцман, – лениво позвал Калигула. – С какой скоростью мы идем?

– Пять узлов, сэр, – ответил один из смертных в форме. – Увеличить?

– Нет-нет. – Калигула вытащил из бокала вишенку и закинул ее в рот. Прожевав, он улыбнулся, показав ярко-красные зубы. – Наоборот, сбавь до четырех. Ведь в самом путешествии – половина веселья!

– Есть, сэр!

Коммод нахмурился. Он помешал лед в шипучем прозрачном напитке с красным сиропом на дне. У него было всего две вишни, несомненно потому, что Калигула ни за что не позволил бы Коммоду хоть в чем-то сравниться с ним.

– Не понимаю, зачем ползти так медленно, – проворчал Коммод. – Иди мы на полной скорости – уже давно были бы на месте.

Калигула усмехнулся:

– Всему свой срок, друг мой. Пусть наш покойный союзник выберет лучшее время для атаки.

Коммод вздрогнул:

– *Ненавижу* нашего покойного союзника. Ты уверен, что его можно усмирить…

– Мы уже обсуждали это. – Калигула говорил нараспев, таким любезным, веселым и убийственным тоном, словно ставил собеседника перед фактом: «*Если еще раз усомнишься во мне, я усмирю тебя, добавив цианида в твой бокал*». – Ты должен доверять мне, Коммод. Вспомни, кто пришел к тебе на помощь в час нужды.

– Я тебя уже десять раз поблагодарил, – ответил Коммод. – Да и вообще, я не виноват. Откуда мне было знать, что у Аполлона внутри еще остался свет? – Он моргнул, поморщившись. – Он ведь обошел и тебя – и твоего коня тоже.

Лицо Калигулы омрачилось:

– Да, но скоро мы все исправим. Между нами, полководцами, говоря: у нас достаточно сил, чтобы разбить и без того потрепанный Двенадцатый легион. А если они заупрямятся и откажутся сдаваться, у нас всегда есть План Б. – Он обернулся и крикнул: – Эй, Буст!

Пандос помчался к нему с кормы так быстро, что его гигантские уши захлопали будто коврики на ветру. В руках он держал большой лист бумаги, сложенный на манер карты или инструкции.

– Д-да, Принцепс?

– Доложи, как идет работа.

– О. – Покрытое темной шерстью лицо Буста задергалось. – Хорошо! Хорошо, господин. У нас есть еще неделя?

– Неделя, – сказал Калигула.

– Понимаете, сэр, эти инструкции… – Буст перевернул бумагу и задумчиво уставился на нее. – Мы все еще пытаемся вставить «детали номер семь» в «отверстия А». И еще нам недоложили гаек. И батареи нужны нестандартного размера, так что…

– Неделя, – повторил Калигула, не меняя любезного тона. – Но ведь кровавая луна взойдет через…

Пандос вздрогнул:

– …пять дней?

– Значит, сможете уложиться в пять дней? Прекрасно! Возвращайтесь к работе.

Буст сглотнул и умчался прочь, стараясь чаще перебирать мохнатыми ногами.

Калигула улыбнулся второму императору:

– Видишь, Коммод? Скоро Лагерь Юпитера будет нашим. Если повезет, у нас в руках окажутся и Сивиллины книги. И тогда уже мы будем диктовать условия. Когда придет время встретиться с Пифоном и делить между собой мир, не забудь, кто тебе помогал… а кто нет.

– Не забуду. Тупой Нерон. – Коммод потыкал трубочкой кубики льда в своем коктейле. – Как, говоришь, это называется? «Ширли Темпл»?

– Нет, это «Рой Роджерс», – поправил Калигула. – «Ширли Темпл» у меня.

– Ты уверен, что современные воины пьют перед боем именно это?

– Абсолютно, – сказал Калигула. – Наслаждайся путешествием, друг мой. У тебя есть целых пять дней, чтобы как следует загореть и вернуть себе зрение. А потом устроим чудесную резню у залива!

Картинка затуманилась, и я вдруг оказался в холодной темноте.

Я попал в тускло освещенное помещение, вокруг шаркали и стенали вонючие живые мертвецы. Некоторые были высохшими как египетские мумии. Другие выглядели вполне обычно – если бы не страшные раны, послужившие причиной их смерти. В дальнем конце комнаты, между двух грубо высеченных колонн, восседал… некто призрачный, окутанный красно-фиолетовой дымкой. Он поднял череп, впился в меня взглядом горящих пурпурных глаз – те же глаза смотрели на меня с морды одержимого гуля в туннеле – и захохотал.

Рана на животе запылала как дорожка подожженного пороха.

Я проснулся, крича от боли, дрожа и обливаясь потом. И понял, что нахожусь в какой-то странной комнате.

– Тоже? – спросила Мэг.

Она стояла рядом с моей койкой и, высунувшись из окна, копалась в ящике с цветами. Сумочки у нее на поясе были набиты луковицами, пакетиками с семенами и садовыми инструментами. В грязной руке было зажато полотенце. Дети Деметры. Они где угодно будут играть в грязи.

– Ч-что происходит? – Я попытался сесть, и это было ошибкой.

Рану на животе и правда мучительно жгло. Посмотрев вниз, я обнаружил на животе повязки, пахнущие лечебными травами и мазями. Значит, я уже побывал в руках у целителей лагеря – но тогда почему же мне так больно?

– Где мы? – прохрипел я.

– В кофейне.

Даже по меркам Мэг это утверждение было абсурдным.

Тут не было ни стойки, ни кофемашины, ни бариста, ни вкусняшек. Это была квадратная комната с белеными стенами, двумя койками, стоящими вдоль стен друг напротив друга, и открытым окном в стене между ними. В дальнем углу я заметил люк в полу и понял, что мы на верхнем этаже. Это было похоже на тюрьму, но на окне не было решеток, да и койки в тюрьме поудобнее. (Да, я знаю, о чем говорю. Изучил этот вопрос вместе с Джонни Кэшем[10] в тюрьме Фолсом. Но это долгая история.)

– Кофейня внизу, – объяснила Мэг. – А это свободная комната Бомбило.

Я вспомнил двухголового бариста в зеленом фартуке, который хмуро смотрел на нас на Виа Претория. Интересно, с чего это он раздобрился и решил нас приютить и почему легионеры поселили нас именно здесь.

– А почему…

– Лемурийские пряности, – сказала Мэг. У Бомбило есть их запасы, а целителям они нужны для твоего лечения. – Она пожала плечами – мол, целители, что с них возьмешь! – и снова принялась сажать луковицы ирисов.

Я принюхался к повязкам. Действительно, среди исходящих от них запахов был и аромат лемурийских пряностей. Отличное средство против нежити, хотя праздник Лемуралий только в мае, а сейчас еще начало апреля… Да, неудивительно, что нас отправили в кофейню. С каждым годом торговцы начинают сезон подготовки к Лемуралиям все раньше и раньше, включая в меню латте и маффины с лемурийскими пряностями, как будто мы только и ждем возможности отпраздновать изгнание злых духов, поедая выпечку, слегка отдающую лимской фасолью и прахом. Вкуснотища.

Чем же еще пахнут мои повязки… крокусами, мирром, стружкой рога единорога? Ого, да эти римские целители молодцы. Но почему же тогда мне так плохо?

---

[10] Джонни Кэш – знаменитый американский певец и композитор, выступал в защиту прав заключенных, давал концерты в тюрьмах. Записи концерта, состоявшегося в тюрьме Фолсом, имели огромный успех.

– Они не хотели таскать тебя с места на место, – продолжала Мэг. – Вот мы и остались здесь. Тут ничего. Внизу есть туалет. И бесплатный кофе.

– Ты же не пьешь кофе.

– Теперь пью.

Я вздрогнул:.

– Мэг под кофеином. То, что нужно. И долго я спал?

– Полтора дня.

– Что?!

– Тебе нужен был отдых. И без сознания ты не так бесишь.

У меня не было энергии, чтобы достойно ей ответить. Поэтому я протер закисшие глаза и, преодолевая боль и тошноту, заставил себя сесть.

Мэг посмотрела на меня с беспокойством – а значит, выгляжу я еще хуже, чем себя чувствую.

– Плохо? – спросила она.

– Нормально, – соврал я. – А что ты имела в виду, когда спросила «Тоже?»?

Выражение ее лица резко изменилось, она отгородилась от меня, словно захлопнув невидимые ставни, какими защищают окна от ураганов.

– Я про кошмары. Я тоже пару раз просыпалась с криками. Ты тогда спал, но… – Она сняла с полотенца комочек земли. – Это место похоже на… ну ты понял.

Как же я раньше об этом не подумал! Мэг росла при императорском дворе Нерона, окруженная слугами, говорящими на латыни, и стражниками в римских доспехах, пурпурными знаменами и регалиями древней империи. Конечно же, Лагерь Юпитера всколыхнул неприятные воспоминания.

– Мне очень жаль, – сказал я. – Тебе снилось… что-нибудь, о чем мне следует знать?

– Нет, все как обычно. – Судя по тону, развивать эту тему она не желала. – А тебе?

Я подумал о приснившихся мне императорах, неторопливо плывущих к нам, попивая безалкогольные коктейли с засахаренными вишнями, в то время как их солдаты второпях собирают секретные орудия, заказанные в «ИКЕА».

Наш покойный союзник. План Б. Пять дней.

Я вспомнил горящие глаза в зале, полном нежити. *Царские* мертвецы.

– Все как обычно, – кивнул я. – Поможешь подняться?

Стоять было больно, но я уже и так провалялся на этой койке полтора дня, и нужно было начинать двигаться, чтобы мышцы не превратились в тапиоку[11]. К тому же я начал понимать, что хочу есть и пить, а еще, цитируя бессмертные слова Мэг Маккаффри, хочу писать. Ох уж эти человеческие тела!

Облокотившись на подоконник, я выглянул на улицу. По Виа Претория сновали полубоги: тащили припасы, выполняли служебные поручения, носились из казарм в столовую и обратно. Потрясение и скорбь немного отступили. Теперь все были заняты делом и сосредоточенны на своей задаче. Вытянув шею и посмотрев на юг, я увидел Храмовую гору, где кипела работа. Осадные орудия переделали в подъемные краны и экскаваторы. Повсюду возвели строительные леса. Над долиной раздавались удары молотка и звуки раскалывающихся камней. С высоты я видел по меньшей мере с десяток небольших святилищ и два храма покрупнее, которых не было, когда мы прибыли в лагерь, рядом строили еще несколько зданий.

– Ого, – прошептал я. – Римляне времени понапрасну не теряют.

– Сегодня похороны Джейсона, – сообщила Мэг. – Они хотят закончить работу до них.

[11] Тапиока – крахмалистый продукт, получаемый из корней растения маниок. Используется для приготовления различных блюд, в том числе пудингов, десертов и баббл-чая (чая с шариками).

Судя по положению солнца, сейчас было два часа дня. Я понял, что, учитывая темпы строительства, к ужину легион успеет закончить работу на Храмовой горе и возвести парочку спортивных стадионов.

Джейсон бы ими гордился. Как бы я хотел, чтобы он был здесь и своими глазами увидел, на что вдохновил этих ребят!

Передо мной что-то замельтешило, в глазах потемнело. Я уж решил, что вот-вот снова потеряю сознание, но потом понял: нечто большое и темное на самом деле, промелькнув рядом с моим лицом, влетело в окно.

Обернувшись, я увидел на своей койке ворона. Он взъерошил блестящие перья и посмотрел на меня черными глазами-бусинками. *КАРР!*

– Мэг, – сказал я, – ты его видишь?

– Ага, – ответила она, не отрывая взгляда от луковиц. – Привет, Фрэнк! Как дела?

Птица стала меняться: ее тело разбухло и стало плотной человеческой фигурой, перья превратились в одежду – и вот уже перед нами сидит Фрэнк Чжан. Сейчас его волосы были чисто вымыты и причесаны, а вместо шелковой пижамы на нем была пурпурная футболка Лагеря Юпитера.

– Привет, Мэг, – отозвался он, словно превращаться из одного существа в другое во время беседы было вполне нормально. – Все идет по плану. Я хотел проверить, не проснулся ли Аполлон, и… теперь вижу, что проснулся. – Он смущенно мне помахал. – То есть ты проснулся. Потому что я… э-э… сижу на твоей койке. Мне лучше встать.

Он встал, поправил футболку и смутился, не зная, куда деть руки. Раньше для меня было обычным делом, когда смертные волновались в моем присутствии, но теперь я не сразу сообразил, что Фрэнк по-прежнему испытывает предо мной трепет. Возможно, дело в том, что он оборотень и, в отличие от других, считает, что под моей невыразительной человеческой внешностью скрывается настоящий бог – покровитель лучников.

Видите? Я же говорил, что Фрэнк очаровашка.

– В общем, – продолжал он, – в последние дни мы с Мэг разговаривали, пока ты был в отключке, то есть, ну знаешь… восстанавливал силы и спал. Это ничего. Тебе нужен был сон. Надеюсь, тебе стало лучше.

Несмотря на ужасное самочувствие, я не мог сдержать улыбку:

– Вы были очень добры к нам, претор Чжан. Спасибо.

– Хм, пожалуйста, ага. Это… ну… как бы честь, ведь ты… был…

– Брось, Фрэнк. – Мэг посмотрела на него, оторвавшись от ящика с землей. – Это же просто Лестер. Ничего особенного.

– Так, Мэг, – перебил я, – если Фрэнк считает меня особенным…

– Фрэнк, выкладывай уже.

Претор переводил взгляд с Мэг на меня, словно желая убедиться, что Шоу Мэг и Аполлона ушло на перерыв.

– В общем, Мэг рассказала мне о пророчестве, которое вы получили в Горящем Лабиринте. *«Аполлон зрит смерть в Тарквиния могиле, если вход к безмолвному богу не откроет она – Беллоною явленная»*, так?

Я содрогнулся. Учитывая мои кошмары, мне совсем не хотелось вспоминать об этих словах и о том, что скоро мне придется столкнуться со смертью. На эти грабли я уже наступал. Вот, дырку в животе заработал.

– Да, – с опаской ответил я. – Мне ведь не стоит рассчитывать, что вы расшифровали его и сделали все что нужно?

– Хм, не совсем, – сказал Фрэнк. – Но пророчество дало ответы на некоторые вопросы о… Ну, о том, что здесь происходит. Элла и Тайсон получили новую информацию. И кажется, у них есть зацепка.

– Элла и Тайсон… – повторил я, пытаясь выудить хоть что-то из туманной человеческой памяти. – Гарпия и циклоп, которые пытались восстановить Сивиллины книги.

– Именно, – подтвердил Фрэнк. – Так что если ты готов, предлагаю прогуляться по Новому Риму.

7

Прогуляемся в город
С днем рождения, Лестер
В коробочке с бантиком – боль

Я не был к этому готов.

Живот ужасно болел. Ноги едва держали меня. Даже сходив в туалет, умывшись, переодевшись и подкрепившись латте с лемурийскими пряностями и маффином из запасов нашего угрюмого хозяина Бомбило, я не был уверен, что мне по силам пройти милю до Нового Рима.

Мне вовсе не хотелось выяснять подробности о пророчестве из Горящего Лабиринта. Я не жаждал встречи с очередными невыносимыми испытаниями – особенно после того, как увидел во сне призрака в гробнице. Мне вообще не хотелось быть человеком. Но, увы, выбора у меня не было.

Как там говорят смертные – возьми себя в руки? Я взял в руки все, что только было можно.

Мэг осталась в лагере. Она договорилась с Лавинией, что через час они пойдут кормить единорогов, и боялась отлучаться, чтобы не упустить такой шанс. И возможно, ее опасения были не напрасны, учитывая, что Лавинию хлебом не корми – дай уйти в самоволку.

Фрэнк повел меня через главные ворота. Часовые вытянулись по стойке «смирно». Им пришлось так стоять довольно долго, ведь двигался я со скоростью остывшего сиропа. Я поймал на себе их опасливые взгляды. Возможно, они боялись, что я выдам еще одну душераздирающую песню, или просто не могли поверить, что это едва переставляющее ноги средоточие пубертата когда-то было богом Аполлоном.

День был по-калифорнийски чудесный: бирюзовое небо, холмы, покрытые волнующейся золотой травой, шелестящие от теплого ветра ветви эвкалиптов и кедров. Все это должно было отвлечь меня от мыслей о темных туннелях и гулях, но у меня в носу по-прежнему стоял запах могильного праха. И кофе с лемурийскими пряностями делу не помог.

Фрэнк шел медленно, подстроившись под мою скорость, и не отходил далеко, чтобы я мог опереться на него, если ноги будут подкашиваться, но особо с помощью не навязывался.

– Слушай, – наконец сказал он, – что там у вас с Рейной?

Я споткнулся, отчего в животе с новой силой вспыхнула боль.

– Что? Ничего. Что?

Фрэнк стряхнул с плаща вороново перо. Такие следы прежних обличий для меня загадка. Интересно, а бывало так, что он выкинул перышко, а потом сообразил: ой, это же мой мизинец?! Я слышал, что Фрэнк умел превращаться в пчелиный рой. Даже я, в прошлом бог и мастер перевоплощений, понятия не имею, как ему это удается.

– Ну, просто… при виде Рейны, – объяснял он, – ты прямо остолбенел, как будто… не знаю… денег ей должен, что ли.

Мне хотелось горько усмехнуться. Если бы мои проблемы, связанные с Рейной, можно было решить так просто!

Я словно вернулся в прошлое и видел все с кристальной ясностью: Афродита кричит на меня, предостерегает, ругает на чем свет стоит: «*Не смей показывать свою уродливую, мерзкую божественную физиономию рядом с ней – или, клянусь водами Стикса…*»

Естественно, ей нужно было закатить сцену прямо в тронном зале, в присутствии остальных олимпийцев, а они, бессердечные, вопили от восторга и улюлюкали. Даже отец не остался в стороне. О да. Он потешил себя на славу.

Я вздрогнул.

– Я не ссорился с Рейной, – честно ответил я. – Мы за всю жизнь и парой слов не перекинулись.

Фрэнк вгляделся в мое лицо. Конечно, он понял, что я что-то скрываю, но допытываться не стал:

– Ладно. Ну, вы встретитесь на похоронах. Она сейчас пытается поспать.

Я чуть не спросил, с чего это Рейне вздумалось спать посреди дня. А потом вспомнил, как Фрэнк встретил нас в пижаме в то время, когда все обычно ужинают… Нужели это и правда было позавчера?!

– Вы дежурите по очереди, – догадался я. – Чтобы кто-то все время был на посту?

– Иначе никак, – кивнул он. – Лагерь все еще в полной боевой готовности. Все на взводе. У нас много работы после битвы…

Слово «битва» он произнес с той же интонацией, что и Хейзел, словно речь шла о единичном кошмарном переломном моменте в истории.

Как и все предсказания, которые мы с Мэг получили за время наших приключений, жуткое Темное пророчество впечаталось в мой разум:

Сгорят слова, что память подарила,
Едва луна над Дьяволом уснет.
Пусть оборотень собирает силы,
Иначе Тибр кровью изойдет.

Услышав его, Лео Вальдес помчался через всю страну на своем бронзовом драконе, чтобы предупредить обитателей лагеря. Лео рассказывал, что успел вовремя, но потери все равно были чудовищными.

По тому, как исказилось от муки мое лицо, Фрэнк, видимо, понял, о чем я думаю,

– Если бы не вы, все было бы куда хуже, – заверил он меня, отчего я почувствовал себя виноватым еще больше. – Если бы вы не отправили к нам Лео. В один прекрасный день он вдруг свалился как снег на голову.

– Представляю, в каком вы были шоке, – сказал я. – Вы же думали, что Лео нет в живых.

Темные глаза Фрэнка сверкнули – совсем как тогда, когда он был вороном.

– Ага. Мы жутко разозлились на него за то, что он заставил нас переживать. Желающих отвесить ему тумака выстроилась целая очередь.

– В Лагере полукровок было то же самое, – кивнул я. – У греков мысли сходятся.

– Угу. – Фрэнк обратил взгляд к горизонту. – На подготовку у нас оставались примерно сутки. Это было хотя бы что-то. Но явно недостаточно. Они появились оттуда. – Он указал на север, в сторону Беркли-Хиллз. – Кишмя кишели – вот как это можно описать. Я и прежде сражался с нежитью, но в тот раз… – Он покачал головой. – Хейзел называла их «зомби». Моя бабушка сказала бы «цзянши». У римлян для них много названий: иммортуос, ламия, нунций.

– Вестник, – перевел я последнее слово.

Оно всегда казалось мне странным. Чей вестник? Уж точно не Аида. Он терпеть не мог, когда трупы бродили по миру смертных. Из-за них он чувствовал себя халтурщиком: ведь должен был лучше присматривать за умершими.

– Греки зовут их вриколакасами, – заметил я. – В обычное время даже одного встретить – большая редкость.

– Их были сотни, – сказал Фрэнк. – И десятки похожих на гулей существ, эвриномов, которые направляли их как пастухи. Мы рубили их. А они все прибывали. Казалось бы, у нас было преимущество – огнедышащий дракон, но Фестус мало что мог с ними поделать. Оказывается, мертвецы не так уж сильно боятся огня.

Аид когда-то объяснял это мне (он из тех, кто в светской болтовне умудряется выдать какие-нибудь совершенно неуместные сведения). Огнем нежить не сдержать. Мертвецы просто пройдут сквозь пламя, и плевать они хотели, что поджарятся. Именно поэтому границей царства Аида не стала огненная река Флегетон. А вот текучая вода, особенно если речь идет о полных темной магии водах реки Стикс, – совсем другое дело…

Я вгляделся в сверкающий поток Малого Тибра. И вдруг мне открылся смысл одной из строк Темного пророчества.

– *Иначе Тибр кровью изойдет.* Ты остановил их у реки.

Фрэнк кивнул:

– Свежая вода им не по вкусу. Так мы изменили ход битвы. Но строчка про Тибр значит не то, о чем ты подумал.

– Тогда что…

– СТОЯТЬ! – завопил голос прямо передо мной.

Я так увлекся рассказом Фрэнка, что не заметил, как близко мы подошли к городу. И даже не обратил внимания на статую на обочине, пока она не завопила.

Терминус, бог границ, ничуть не изменился. До пояса это был прекрасно сложенный человек с крупным носом, кудрявыми волосами и недовольным лицом (вероятно, следствие того, что никто не догадался высечь для него пару рук). Ниже пояса он представлял собой глыбу мрамора. Я дразнил его, говоря, что ему стоит примерить джинсы-скинни, ведь они стройнят. И судя по его сердитому взгляду, обиды он не забыл.

– Так-так, – проговорил он. – И кто у нас тут?

Я вздохнул:

– Терминус, может, не надо?

– Нет! – рявкнул он. – Не надо мне тут никаких «*не надо*». Показывайте удостоверения.

Фрэнк кашлянул:

– Э, Терминус… – Он похлопал по преторским лаврам на нагруднике.

– Да, претор Фрэнк Чжан, можешь проходить. А твой *друг*…

– Терминус, – перебил его я, – тебе прекрасно известно, кто я такой.

– Удостоверение!

Меня охватило неприятное чувство, будто в районе повязки с лемурийскими пряностями появилось что-то холодное и липкое и покрыло меня с головы до ног.

– Ты ведь не имеешь в виду…

– Удостоверение личности.

Я хотел было возмутиться столь неуместной жестокости. Но, увы, спорить с чиновниками, автоинспекторами и богами границ просто бесполезно. Сопротивление лишь продлевает муки.

Признав поражение, я потянулся за бумажником. И достал ученические водительские права, которыми Зевс одарил меня, сбросив на Землю. Имя: Лестер Пападопулос. Возраст: шестнадцать лет. Штат: Нью-Йорк. Фото: стопроцентно выжжет вам глаза.

– Передай мне, – потребовал Треминус.

– Но у тебя… – Я осекся, чуть не сказав «нет рук».

Терминус упрямо убеждал себя, что все его конечности на месте. Я протянул ему права. Фрэнк с любопытством наклонился к ним, но, заметив мой свирепый взгляд, отстранился.

– Хорошо, *Лестер*, – продолжал глумиться Терминус. – Мы редко допускаем в город смертных – самых что ни на есть смертных – гостей, но, думаю, ничего страшного. Решил прикупить у нас новую тогу? А может, джинсы-скинни?

Я проглотил обиду. Вряд ли есть существо более мстительное, чем малый бог, которому наконец выпала удача поиздеваться над старшим божеством.

– Можно пройти? – спросил я.

– Есть ли при тебе оружие, подлежащее декларированию?

В лучшие времена я бы ответил: «Только моя убийственная харизма». Но сейчас у меня даже не было сил оценить ироничность ситуации. Услышав вопрос, я задумался о том, куда делись мои укулеле, лук и колчан. Может, их запихнули под койку? Если римляне ненароком потеряли колчан с изрекающей пророчества Стрелой Додоны, я, пожалуй, куплю им подарок в качестве благодарности.

– Оружия нет, – пробормотал я.

– Хорошо. Проходите, – разрешил Терминус. – И с наступающим днем рождения, Лестер.

– Я… чего?

– Не задерживайтесь! Следующий!

За нами никого не было, но Терминус приказал нам идти в город и принялся кричать на несуществующих посетителей, чтобы перестали толкаться и выстроились в очередь.

– У тебя скоро день рождения? – спросил Фрэнк, когда мы пошли дальше. – Поздравляю!

– Не может быть. – Я заглянул в права. – Здесь сказано, что он восьмого апреля. Но это чушь. Я родился в седьмой день седьмого месяца. Конечно, тогда месяцы были другие. Так, месяц гамелион. Но это же зима…

– А как боги его празднуют? – задумчиво спросил он. – Тебе теперь семнадцать? Или четыре тысячи семнадцать? А торт у вас бывает?

Последнее он произнес так мечтательно, будто уже представил чудовищное порождение кондитерского искусства, залитое золотой глазурью и украшенное семнадцатью римскими свечами.

Я попытался вычислить точную дату своего рождения. У меня закипели мозги. Даже когда божественная память была при мне, я терпеть не мог следить за датами. Древний лунный календарь, юлианский календарь, григорианский календарь, високосный год, переход на летнее время… Брр. Может, каждый день будет называться *аполлондень* – и дело с концом?

Но Зевс все-таки одарил меня новым днем рождения. Восьмое апреля. Почему? Моим священным числом было семь. В дате 08.04 нет семерок. Даже сумма этих чисел не кратна семи. И зачем Зевсу назначать мне день рождения через четыре дня?

Я застыл на месте, словно мои ноги превратились в мраморный пьедестал. В моем сне Калигула приказывал пандам закончить работу к кровавой луне, которая должна взойти через пять дней. Если то, что я видел, случилось прошлой ночью… прибавим сюда сегодняшний день – и получится, что через пять дней будет именно восьмое апреля.

– Что случилось? – спросил Фрэнк. – Ты чего такой бледный?

– Я… я думаю, отец оставил мне предупреждение, – ответил я. – Или это угроза? А Терминус только что указал мне на это.

– Что угрожающего в дне рождения?

– Я теперь смертный. А день рождения всегда полон угроз.

Я подавил растущую внутри волну тревоги. Мне хотелось развернуться и бежать, но бежать было некуда, оставалось только идти в Новый Рим за ненавистными мне подробностями о неминуемых бедах.

– Показывай дорогу, Фрэнк Чжан, – скрепя сердце сказал я, засовывая права обратно в бумажник. – Может, у Тайсона и Эллы мы найдем ответы.

Новый Рим… именно тут вы скорее всего встретите олимпийских богов инкогнито. (Ему почти не уступает Нью-Йорк, а в летнее время и Косумель[12]. Не осуждайте нас.)

[12] Косумель – остров в Карибском море, популярный курорт.

Когда я был богом, то частенько незримо парил над красными черепичными крышами или гулял по улицам в облике смертного, наслаждаясь видами, звуками и ароматами цветущего имперского города.

Конечно, это был не Древний Рим. Кое-что успели исправить. Скажем, уничтожили рабство. Поработали над личной гигиеной. Исчезла Субура – густонаселенные трущобы с жилищами, из которых в случае пожара выбраться было невозможно.

При этом Новый Рим не был построенной ради увеселения копией вроде Эйфелевой башни в Лас-Вегасе. Это был живой город, где свободно смешивались древность и современность. Прогуливаясь по Форуму, я слышал разговоры на десятках языках, среди которых звучала и латынь. Уличные музыканты импровизировали на лирах, гитарах и стиральных досках. Пока дети играли в фонтанах, взрослые сидели неподалеку в тени под шпалерами, увитыми виноградной лозой. Тут и там сновали лары, становившиеся ярче в длинных полуденных тенях. Здесь встречались и болтали все подряд: те, у кого была одна голова, те, кто мог похвастаться двумя, и даже собакоголовые киноцефалы, которые скалились, часто дышали и лаяли, доказывая свою правоту.

Этот Рим был меньше, добрее и намного лучше – мы верили, что смертные смогут сами сделать Рим таким, но у них так и не вышло. И конечно, мы, боги, наведываемся сюда, тоскуя по прошлому, стремясь оживить в памяти те чудесные времена, когда люди во всех уголках империи поклонялись нам, а в воздух поднимались ароматы жертв, преданных огню в нашу честь.

Может, это покажется вам жалким, как музыкальный круиз, устроенный старичьем, чтобы порадовать дряхлых поклонников никому не нужных групп. Что я могу на это сказать? Ностальгия – недуг, поражающий даже бессмертных.

Когда мы приблизились к Дому сената, я начал замечать следы недавней битвы. Трещины в куполе поблескивали серебром, которым их заделали. Стены зданий кое-где были наспех оштукатурены. Как и в лагере, в городе стало меньше народу, и время от времени – когда тявкал какой-нибудь киноцефал или молот кузнеца ударял по броне – люди вздрагивали от резкого звука, готовые в любой момент искать убежище.

Это был раненый город, который старался как можно скорее вернуться к нормальной жизни. И судя по тому, что я видел во сне, через несколько дней Новому Риму нанесут новые раны.

– Скольких вы потеряли? – спросил я Фрэнка.

Я боялся услышать ответ, но должен был знать.

Фрэнк оглянулся по сторонам, проверяя, не слышит ли нас кто-нибудь. Мы шли по одной из извилистых мощеных улиц Нового Рима, направляясь к жилым кварталам.

– Трудно сказать, – ответил он. – Легион потерял минимум двадцать пять человек. По крайней мере, судя по спискам. Максимум мы можем… могли собрать двести пятьдесят воинов. Конечно, не одномоментно. Битва стала для нас в буквальном смысле децимацией.

Мне показалось, будто сквозь меня проплыл лар. Децимация была древним и очень жестоким наказанием провинившегося легиона и заключалась в том, что каждого десятого воина, виновного или нет, казнили.

– Мне жаль, Фрэнк. Я должен был… – Я не знал, как закончить фразу. Я должен был что? Теперь я уже не был богом. И не мог, сидя за тысячи миль от зомби, щелкнуть пальцами и заставить их взорваться. Раньше я не ценил такие простые удовольствия, хотя следовало бы.

Фрэнк натянул плащ на плечи:

– Жителям города пришлось хуже всех. Вышедшие в отставку легионеры из Нового Рима пришли к нам на помощь. Они всегда были нашим резервом. И да, та строчка – *«Иначе Тибр кровью изойдет»*, так? Тут дело не в больших потерях. Здесь говорится о крови, но не говорится о телах, потому что они пропали.

Рана у меня на животе раскалилась.

– То есть как?!

– Кого-то утащили за собой отступавшие мертвецы. Мы пытались забрать всех, но…. – Он развел руками. – Некоторых поглотила земля. Даже Хейзел не смогла этого объяснить. Большая часть ушла на дно во время сражения на Малом Тибре. Наяды искали их. Безуспешно.

Он не рассказал худшую часть истории, но я знал, о чем он думает. Их павшие товарищи не просто исчезли – они вернутся врагами.

Фрэнк не отрывал глаз от дороги.

– Я стараюсь не думать об этом. Мне нужно руководить, быть уверенным, понимаешь? Но вот, скажем, сегодня мы видели Терминуса… Обычно рядом с ним всегда девочка лет семи, Юлия, она ему помогает. Очаровательная малышка.

– Но сегодня ее не было.

– Не было, – подтвердил Фрэнк. – Она у опекунов. Ее отец и мать погибли в битве.

Мне пришлось остановиться. Это было уже слишком. Я оперся рукой о ближайшую стену. Еще одну маленькую девочку обрекли на страдания, совсем как Мэг Маккаффри, когда Нерон убил ее отца… Как Джорджину из Индианаполиса, которую забрали у матерей. Три чудовищных римских императора разрушили столько жизней. Я *должен* положить этому конец.

Фрэнк осторожно взял меня за руку:

– Шаг за шагом. Иначе никак.

Я прилетел сюда, чтобы поддержать римлян. Вместо этого римляне поддерживают меня.

Мы шли мимо кафе и витрин. Я старался обращать внимание на что-нибудь хорошее. На виноградных лозах распускались почки. В фонтанах по-прежнему текла вода. Дома в этом квартале не пострадали.

– Хотя бы… хотя бы город не сгорел, – проговорил я.

Фрэнк нахмурился, не понимая, чему я так радуюсь:

– Ты о чем?

– О другой строке пророчества: *«Сгорят слова, что память подарила»*. Это ведь относится к работе Эллы и Тайсона над Сивиллиными книгами? Книги наверняка уцелели, раз вы не допустили пожара в городе.

– Ах это. – Фрэнк то ли кашлянул, то ли усмехнулся. – Да, тут такое забавное дело…

Он остановился перед старомодным книжным магазином. На зеленом навесе красовалась лаконичная надпись «LIBRI». Рядом стоял стеллаж с подержанными книгами в твердых переплетах. В витрине на стопке словарей лежал, греясь на солнышке, большой рыжий кот.

– Строки пророчества иногда значат совсем не то, что ты думаешь.

Фрэнк постучал в дверь: три громких удара, два с паузами и два почти без перерыва.

Дверь тут же открылась внутрь. На пороге стоял раздетый по пояс улыбающийся циклоп.

– Заходите! – сказал Тайсон. – Мне делают татуировку!

8

Тату! Кому тату?
Бесплатно в книжном магазине
Там еще большой кот

Совет: никогда не заходите туда, где циклопам делают татуировки. Запах там стоит такой, словно в бочке с чернилами кипятят кожаные сумки. Кожа у циклопов гораздо толще человеческой, и чтобы ввести в нее краску, нужно сильно раскалить иглу – отсюда и запах гари.

Откуда мне это известно? Меня с циклопами связывают долгие и не самые приятные отношения.

Тысячи лет назад я убил четверых любимцев отца, потому что они выковали молнию, которой он убил моего сына Асклепия. (И еще потому, что я не мог убить истинного виновника, то есть, кхм, Зевса.) За это меня сослали на Землю в облике смертного в первый раз. Вонь горелого циклопа навеяла мне дивные воспоминания о тех временах.

Потом я еще не раз встречался с циклопами: сражался с ними бок о бок в Первой войне титанов (не снимая с носа прищепки), пытался научить их изготавливать нормальные луки, хотя у них проблемы с восприятием глубины, застал одного сидящим на унитазе, когда путешествовал по Лабиринту с Мэг и Гроувером. И выкинуть эту картинку из головы у меня теперь никогда не получится.

Прошу заметить: к Тайсону у меня нет никаких претензий. Перси Джексон объявил его своим братом. После последней войны с Кроносом Зевс назначил его генералом и пожаловал ему прекрасную палку.

Для циклопа Тайсон был вполне ничего. Места он занимал не больше чем крупный человек. Никогда не ковал молний для убийства тех, кто мне дорог. Его большой карий глаз смотрел так по-доброму, а улыбка была такой широкой, что он казался почти таким же милым, как Фрэнк. А главное – он помогал гарпии Элле восстанавливать утерянные Сивиллины книги.

А как еще завоевать сердце бога прорицаний, если не восстанавливая утерянные книги с пророчествами?

Однако когда Тайсон повернулся, чтобы провести нас в книжный магазин, я едва не вскрикнул от ужаса. Мне показалось, будто у него на спине вытатуировано полное собрание сочинений Чарльза Диккенса. Его шея и лопатки были покрыты фиолетовыми, цвета синяков, строчками мелких букв, прерываемых лишь старыми белыми шрамами.

Фрэнк, шедший рядом, прошептал:

– Не надо.

К горлу подступали слезы. Мне стало больно при мысли о том, сколько ему сделали татуировок и какие страдания выпали в прошлом на долю несчастного циклопа, если у него остались такие шрамы. Мне хотелось зарыдать «Ах, бедненький!» и даже обнять полураздетого Тайсона (а прежде я о таком и помыслить не мог). Но Фрэнк давал понять, что не стоит привлекать внимание к его спине.

Я вытер слезы и постарался успокоиться.

Тайсон остановился посреди магазина и повернулся к нам. Улыбнувшись, он гордо развел руки в стороны:

– Видите? Книги!

И он не обманул. От кассы, которая была и стойкой информации, расположенной в центре комнаты, во все стороны расходились стеллажи, набитые томами всевозможных размеров и цветов. Две лестницы вели на огороженный перилами балкон, тоже заставленный книгами. Повсюду стояли кресла с подставками, заваленными книгами. Из огромных окон открывался

вид на городской акведук и холмы. Солнце заливало все вокруг медовым светом, отчего магазин казался уютным и сонным.

Идеальное место, чтобы плюхнуться в кресло с легким романчиком – только вот мешал мерзкий запах кипящего масла и кожи. Признаков тату-салона и специального оборудования я нигде не заметил, но на одной из стен висела табличка «СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ», а плотные бархатные занавески под ней закрывали проход, ведущий, судя по всему, в подсобное помещение.

– Очень мило, – сказал я, стараясь, чтобы это не прозвучало как вопрос.

– Книги! – повторил Тайсон. – Потому что это книжный магазин!

– Конечно, – с готовностью кивнул я. – А это, хм, твой магазин?

Тайсон нахмурился:

– Нет. Ну, вроде того. Владелец погиб. В битве. Это грустно.

– Понятно. – Я не знал, что нужно сказать. – В любом случае, я рад снова тебя увидеть, Тайсон. Ты вряд ли узнаёшь меня в этом облике, но…

– Ты Аполлон! – рассмеялся он. – Смешной у тебя вид.

Фрэнк прикрыл рот и закашлялся, явно пытаясь скрыть улыбку:

– Тайсон, а где Элла? Мы хотим, чтобы вы рассказали Аполлону о том, что узнали.

– Элла в подсобке. Она делала мне татуировку! – Он наклонился ближе и зашептал: – Элла красивая. Только тсс! Она не любит, когда я часто это говорю. Смущается. А потом я смущаюсь.

– Я ей не скажу, – пообещал я. – Показывай дорогу, генерал Тайсон.

– Генерал! – Тайсон снова захохотал. – Да. Это я. Размозжил пару-тройку голов на войне! – Он поскакал вперед, словно ехал верхом на игрушечной лошадке, прямо сквозь бархатные занавески.

Часть меня жаждала развернуться и пойти пить кофе, забрав с собой Фрэнка. Я боялся того, что может ждать нас за этими занавесками.

Но вдруг кто-то у моих ног сказал: *«Мур-мяу»*.

Это был кот. Огромный рыжий полосатый кот, который, судя по размерам, сожрал всех остальных котов в этом магазине, терся головой о мою ногу.

– Он меня трогает, – пожаловался я.

– Это Аристофан, – улыбнулся Фрэнк. – Он не опасен. К тому же ты сам знаешь, как римляне относятся к кошкам.

– Да уж, не напоминай.

Мне никогда не нравились кошачьи. Они эгоистичны, надменны и считают себя хозяевами мира. Да, хорошо, вы правы. Я просто не люблю конкуренцию.

А вот римляне считают кошек символом свободы и независимости. Им разрешается ходить везде, где вздумается, даже в храмах. И коты не раз выбирали именно мой алтарь, чтобы пометить территорию.

«Мур-мяу», – снова подал голос Аристофан. Его сонные светло-зеленые, цвета лаймовой мякоти, глаза словно говорили: *«Теперь ты мой, возможно позже я на тебя помочусь»*.

– Мне пора, – сказал я коту. – Фрэнк Чжан, давай найдем нашу гарпию.

Как я и думал, помещение для хранения специальных коллекций превратили в тату-салон.

Стеллажи на колесиках были сдвинуты в сторону, на их полках теснились тома в кожаных переплетах, деревянные футляры для свитков и глиняные таблички для клинописи. В центре комнаты, блестя под светодиодной лампой-лупой, стояло обитое черной кожей кресло с откидной спинкой и складными подлокотниками. Рядом было обустроено рабочее место с жужжащими электрическими тату-машинками, к которым крепились трубки для подачи краски.

Мне никогда не делали татуировок. Когда я был богом, стоило лишь захотеть – и рисунок появлялся у меня на коже сам собой. А здешняя обстановка напомнила мне о безумных экспериментах, которые мог бы провести Гефест, скажем, в области божественной стоматологии.

В дальнем углу стояла лестница, по которой можно было подняться на такой же балкон, как тот, что мы видели в главной комнате. На балконе были устроены два спальных места: гнездо из соломы, ткани и обрывков бумаги для гарпии и нечто вроде форта, смастеренного из старых картонных коробок из-под бытовой техники. Подробности я решил не выяснять.

За креслом, что-то бормоча, словно споря сама с собой, из стороны в сторону беспокойно ходила Элла. Аристофан, который зашел в комнату вместе с нами, начал бегать за ней, стараясь боднуть ее кожистые птичьи ноги. Время от времени гарпия теряла рыжеватое перышко, и он тут же на него набрасывался. Элла не обращала на кота никакого внимания. Такие союзы, пожалуй, заключают только в Элизии.

– Огонь… – бормотала Элла. – Огонь и… что-то там, что-то там… что-то там мост. Дважды что-то там, что-то там… Хмм.

Казалось, она чем-то встревожена, хотя, как я понял, это было ее обычное состояние. Насколько я знал, Перси, Хейзел и Фрэнк нашли Эллу в Портленде, центральной библиотеке штата Орегон, где она питалась объедками и жила в гнезде из списанных книг. Когда-то она наткнулась на Сивиллины книги, три тома которых, как считалось, погибли в пожаре на закате Римской империи. (Найти хотя бы один экземпляр было все равно что обнаружить неизвестный альбом Бесси Смит[13] или первый выпуск комиксов про Бэтмена за 1940 год в идеальном состоянии, только с уклоном… хм… в прорицательство.)

Теперь Элла, обладающая фотографической, но хаотичной памятью, была единственным источником этих древних пророчеств. Перси, Хейзел и Фрэнк привезли ее в Лагерь Юпитра, где она могла спокойно жить и, как все надеялись, восстановить утерянные книги с помощью Тайсона, ее обожаемого бойфренда. (Циклопофренда? Дорогого ее сердцу представителя другого вида?)

Кроме того, Элла была тайной, покрытой рыжими перьями, спрятанными льняной тканью платья[14].

– Нет, нет, нет. – Она провела рукой по роскошным рыжим кудрям с такой силой, что я испугался, как бы она не вырвала их с корнем. – Недостаточно слов. Слова, слова, слова. Гамлет, акт второй, сцена вторая.

Для бывшей уличной гарпии она выглядела весьма неплохо. Лицо у нее было похоже на человеческое, с заостренными чертами, но не изможденное. Перья на руках были аккуратно приглажены. Для птицы ее вес был вполне нормален, а значит, она ест вдоволь зерен, или тако, или что там любят гарпии. Когтистые ноги Эллы вытоптали отчетливую дорожку на ковре, который она мерила шагами.

– Элла, смотри! – воскликнул Тайсон. – Друзья!

Элла нахмурилась, ее взгляд скользнул по нам с Фрэнком, словно мы были мелкими отвлекающими деталями вроде косо висящих на стене картин.

– Нет, – заявила она и сложила руки, отчего длинные ногти клацнули друг о друга. – Тайсону нужно больше татуировок.

– Ладно! – Тайсон улыбнулся, словно ему сообщили отличные новости, и поскакал к креслу.

– Подождите! – взмолился я. Запах в этом тату-салоне был ужасен. Но если бы я увидел, как делают татуировку, меня бы наверняка вырвало прямо на Аристофана. – Элла, прежде чем начнешь, не могла бы ты объяснить, что происходит?

---

[13] Бесси Смит – американская певица, исполнявшая песни в стиле блюз.

[14] Перифраза высказывания Черчилля о России: «Россия – это покрытая тайной головоломка внутри загадки».

– «Что происходит», – проговорила Элла. – Марвин Гэй[15]. 1971 год.

– Да, я знаю, – кивнул я. – Я помогал писать эту песню.

– Нет, – помотала головой Элла. – Авторы Ренальдо Бенсон, Аль Кливленд и Марвин Гэй, толчком к созданию послужили жестокие действия полиции.

Фрэнк усмехнулся:

– С гарпиями не поспоришь.

– Да, – согласилась Элла. – Не поспоришь.

Она подбежала ко мне, пригляделась, принюхалась к повязке на животе и ткнула меня в грудь. Перья ее блестели как ржавчина под дождем.

– Аполлон, – сказала она. – Но ты неправильный. Неправильное тело. «Вторжение похитителей тел», режиссер Дон Сигел, 1954 год.

Сравнение с черно-белым ужастиком мне не понравилось, но мне только что приказали не спорить с гарпиями.

В это время Тайсон разложил кресло, превратив его в кушетку. Он лег на живот, и недавно вытатуированные фиолетовые строки зашевелились на его мощной, покрытой шрамами спине.

– Готов! – объявил он.

И тут меня озарило.

– *«Сгорят слова, что память подарила»*, – вспомнил я. – Ты записываешь Сивиллины книги на спине Тайсона раскаленными иглами. Вот о чем говорилось в пророчестве.

– Ага. – Элла ткнула пальцем в мой жирок, словно оценивая, годится ли это место для записей. – Хмм. Нет. Слишком рыхлый.

– Спасибо, – буркнул я.

Фрэнк переступил с ноги на ногу, озадачившись вопросом, насколько для этой цели подходит его тело.

– Элла говорит, что только так она может записать слова в верном порядке, – объяснил он. – На живой коже.

Тут нечему удивляться. В последние месяцы я получал пророчества, слушая безумные голоса деревьев, страдая от галлюцинаций в темной пещере и носясь по раскаленным клеткам кроссворда. По сравнению с этим восстановление текста рукописи на спине у циклопа казалось весьма цивилизованным делом.

– Но… далеко ли вы продвинулись? – спросил я.

– До первого поясничного позвонка, – ответила Элла.

Судя по ее виду, она не шутила.

Лежа лицом вниз, Тайсон в радостном предвкушении пытки, болтал ногами:

– ГОТОВ! Ой, мамочки! От татуировок щекотно!

– Элла. – Я решил попробовать еще раз. – Я хотел спросить: узнали ли вы что-нибудь важное, например… ну, даже не знаю… о том, что нам угрожает в ближайшие четыре-пять дней? Фрэнк сказал, что у вас есть зацепка.

– Ага, нашла гробницу. – Она снова ткнула пальцем в мой жирок. – Смерть, смерть, смерть. Много смерти.

[15] Марвин Гэй – американский певец и музыкант. «Что происходит» (What's going on) – один из его самых знаменитых альбомов.

9

Братья и сестры,
Мы собрались здесь, потому что
Гера – отстой. Аминь.

Хуже, чем слышать «Смерть, смерть, смерть», может быть только слышать это, когда тебе тычут пальцем в жирок.

– А можно поконкретнее?

Вообще-то я хотел спросить «Можешь сделать так, чтобы все наладилось, и не тыкать меня?». Но вряд ли можно получить все удовольствия сразу.

– Перекрестные ссылки, – ответила Элла.

– Что?

– Могила Тарквиния, – сказала она. – Слова из Горящего Лабиринта. Фрэнк говорил так: «*Аполлон зрит смерть в Тарквиния могиле, если вход к безмолвному богу не откроет она – Беллоною явленная*».

– Я знаю пророчество, – напомнил я. – И зачем все постоянно его мне повторяют! Так что именно…

– Я проверила ссылки на слова «Тарквиний», «Беллона» и «безмолвный бог» по указателю Тайсона.

Я посмотрел на Фрэнка – похоже, в этой комнате я понимал только его:

– У Тайсона есть указатель?

Фрэнк пожал плечами:

– В любом хорошем справочнике должен быть указатель.

– На задней стороне бедра! – похвастался Тайсон, который все еще дрыгал ногами, с нетерпением ожидая, когда по его коже пройдутся раскаленной докрасна иглой. – Хочешь посмотреть?

– Нет! Боги, нет! Так ты говоришь, проверила…

– Ага, ага, – кивнула Элла. – По «Беллоне» и «безмолвному богу» ничего. Хмм. – Она похлопала по вискам. – Тут нужно больше слов. Но «Тарквиния могила». Да. Нашла строчку. – Она засеменила к разложенному креслу, Аристофан побежал следом, то и дело нападая на ее крылья. Элла ткнула пальцем в лопатку Тайсона. – Тут.

Тайсон захихикал.

– «*Дикая кошка, круженье огней*, – принялась громко читать Элла. – *Могила Тарквиния, яркость коней. Дверь откройте пошире – два, пятьдесят четыре*».

«*Мур-мяу*», – сказал Аристофан.

– Нет, Аристофан, – ласково проговорила Элла, – дикая кошка – это не про тебя.

Зверь замурлыкал – громко, как бензопила.

Я ждал более подробного пророчества. По большей части Сивиллины книги напоминали «Кулинарную библию»[16], только рецепты в них касались того, какую жертву принести богам в случае определенной катастрофы. Урожай уничтожают полчища саранчи? Поможет суфле для Цереры и медовый хлеб (поджаривать на ее алтаре в течение трех дней). Землетрясение разрушит город? Подготовьте сюрприз для Нептуна: когда он придет вечером домой, пусть его уже ждут три черных быка, облитых священным маслом и сожженных с веточками розмарина!

Но, судя по всему, Элла больше ничего читать не собиралась.

– Фрэнк, – сказал я, – ты что-нибудь понял?

[16] «Кулинарная библия» – знаменитая кулинарная книга Ирмы Ромбауэр.

Он нахмурился:

– Я думал, *ты* поймешь.

Когда же до людей дойдет: то, что я был богом прорицаний, вовсе не значит, что я понимаю пророчества. Я, между прочим, был и богом поэзии. Разве от этого метафоры в «Бесплодной земле» Т.С. Элиота[17] стали мне понятней? Нет.

– Элла, может быть, это описание какого-то места? – спросил я.

– Ага, ага. Вероятно, где-то поблизости. Но туда можно только войти. Осмотреться. Найти нужное и уйти. Тарквиния Гордого так не убьешь. Нет уж. Он слишком мертвый для этого. А чтобы убить, хмм… Нужно больше слов.

Фрэнк Чжан коснулся висевшего у него на груди значка в виде короны, которым награждали воинов за взятие крепостной стены:

– Тарквиний Гордый. Последний царь Рима. Даже во времена Римской империи считалось, что истории о нем – всего лишь легенды. Его гробницу так и не нашли. С чего ему быть… – Он обвел рукой комнату.

– …в наших краях? – закончил я. – Вероятно, по той же причине, по которой Олимп теперь парит над Нью-Йорком, а Лагерь Юпитера располагается у залива Сан-Франциско.

– Что ж, справедливо, – согласился Фрэнк. – И все же, если гробница римского царя все это время была рядом с Лагерем Юпитера, почему мы только сейчас об этом узнаем? И с чего нежить стала на нас нападать?

Ответа на это у меня не было. Я так зациклился на Калигуле и Коммоде, что о Тарквинии Гордом особо не размышлял. Каким бы ужасным Тарквиний ни был, он все-таки не входил в высшую лигу императоров. Да и не понимал я, с чего бы полумифическому, дикому и, по всей видимости, восставшему из мертвых римскому царю действовать заодно с Триумвиратом.

Где-то у основания черепа шевельнулось смутное воспоминание… Вряд ли можно считать совпадением то, что Тарквиний обнаружил себя как раз тогда, когда Элла и Тайсон начали восстанавливать Сивиллины книги.

Я вспомнил призрака с пурпурными глазами из кошмара и низкий голос эвринома в туннеле: *«Уж кто-кто, а ты должна понимать, насколько зыбкая граница отделяет жизнь от смерти»*.

Рана на животе запульсировала. Хоть бы раз для разнообразия попасть в такую гробницу, где покоится кто-то действительно мертвый.

– Так значит, Элла, – сказал я, – ты предлагаешь нам найти эту гробницу.

– Ага. Отправляйтесь в гробницу. «Расхитительница гробниц» для ПК и приставок «Плейстейшн» и «Сега Сатурн», 1996 год. «Гробницы Атуана», Урсула Ле Гуин, «Сага Пресс», 1970 год.

На этот раз я почти не обратил внимания на лишние сведения. Если задержусь здесь подольше, то, наверное, начну говорить как Элла, включая в каждую фразу случайные факты из «Википедии». Нужно успеть уйти до того, как это произойдет.

– Но мы идем туда, только чтобы осмотреться, – продолжал я. – Чтобы узнать…

– …то, что надо. Ага, ага.

– А потом?

– Возвращайтесь живыми. «Остаться в живых», второй сингл, саундтрек к фильму «Лихорадка субботнего вечера»[18], 1977 год.

– Ну да. И… в циклопьем указателе точно больше нет ничего, кхм, полезного?

---

[17] Томас Стернз Элиот – поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе. «Бесплодная земля» – поэма, полная разнообразных аллюзий, которую он написал в 1922 году.

[18] «Лихорадка субботнего вечера» – американский кинофильм 1977 года, принесший славу актеру Джону Траволте.

– Хмм. – Элла уставилась на Фрэнка, подошла к нему и понюхала его лицо. – Деревяшка. Что-то там. Нет. Это на потом.

Фрэнк был похож на загнанного в угол зверя – причем ему даже не пришлось обращаться в животное:

– Слушай, Элла. Мы не говорим про деревяшку.

Тут я вспомнил, почему еще мне так нравится Фрэнк Чжан. Он тоже входит в клуб ненавистников Геры. Ей с чего-то вздумалось привязать его жизненную силу к маленькой деревяшке, которую, насколько я знал, Фрэнк всегда и повсюду носит с собой. Если деревяшка сгорит – та же участь ждет и Фрэнка. Такая она, эта властная Гера: *«Я тебя люблю, ты для меня особенный герой, ах да, вот тебе палка, и когда она сгорит, ты умрешь, ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!»*. Терпеть не могу эту женщину.

Элла взъерошила перья, одарив Аристофана множеством новых игрушек.

– Огонь и… что-то там мост. Дважды что-то там… Хмм, нет. Это потом. Нужно больше слов. Тайсону нужно сделать татуировку.

– Класс! – воскликнул Тайсон. – А ты можешь нарисовать Радугу? Он мой друг! Пони-русалочка!

– Радуга – это белый свет, – сказала Элла. – Который преломляется в каплях воды.

– И пони-русалочка! – не уступал Тайсон.

– Пфф, – фыркнула Элла.

Кажется, только что случилось нечто вроде ссоры между гарпией и циклопом.

– Вы двое, уходите, – отмахнулась от нас Элла. – Приходите завтра. Или через три дня. «Восемь дней в неделю»[19]. Пока не знаю.

Я уже хотел возмутиться, что через четыре дня яхты Калигулы доберутся сюда и Лагерь Юпитера ждет новая разрушительная атака, но Фрэнк коснулся моей руки и сказал:

– Пойдем. Пусть работает. Все равно скоро вечерний сбор.

Я подозревал, что после упоминания деревяшки он готов ухватиться за любой повод, чтобы улизнуть из магазина, даже если нелепости этого повода позавидовали бы фавны.

Последнее, что я увидел, выходя из комнаты для хранения специальных коллекций, была Элла, пишущая тату-машинкой на спине Тайсона, циклоп, хохочущий «ЩЕКОТНО!», и Аристофан, точащий когти о кожистые ноги гарпии.

Циклопьи татуировки остаются на всю жизнь – в вашей памяти.

Фрэнк потащил меня в лагерь настолько быстро, насколько позволяла моя рана.

Я хотел спросить его, что сказала Элла, но Фрэнк не был настроен разговаривать. Его рука то и дело тянулась к боку, где под ножнами на ремне висел тканевый мешочек. Раньше я его не замечал, но догадался, что внутри хранится Сувенир Геры – убийственное проклятье™.

Возможно, Фрэнк был таким мрачным потому, что знал, что ждет нас на вечернем сборе.

Легион выстроился, готовый к траурному шествию.

Во главе колонны стоял Ганнибал в кевларовых доспехах, украшенных черными цветами. Он был запряжен в повозку с драпированным пурпурной и золотой тканью гробом Джейсона. Четыре когорты выстроились позади гроба, между рядами легионеров мелькали пурпурные лары. Воины из Пятой когорты, в которую Джейсон был зачислен, когда впервые прибыл в лагерь, несли почетный караул, стоя с факелами по обе стороны повозки. Среди них, между Хейзел и Лавинией, затесалась и Мэг Маккаффри. Увидев меня, она нахмурилась и беззвучно, одними губами, произнесла *«Ты опоздал»*.

Фрэнк подбежал к Рейне, она ждала рядом с Ганнибалом.

[19] «Восемь дней в неделю» (Eight Days a Week) – песня группы «Битлз».

Старший претор выглядела вымотанной и измученной, словно несколько часов прорыдала в одиночестве и только перед церемонией заставила себя собраться с силами. Рядом с ней, высоко подняв орла Двенадцатого легиона, стоял знаменосец.

Приблизившись к орлу, я ощутил, как у меня зашевелились волосы. Золотая фигура излучала силу Юпитера. Воздух вокруг трещал от напряжения.

– Аполлон, – официальным тоном обратилась ко мне Рейна, ее глаза напоминали пустые колодцы. – Ты готов?

– К… – Вопрос застрял у меня в горле.

Все выжидающе смотрели на меня. Хотят, чтобы я снова спел?

Нет. Ну конечно, нет. В легионе не было верховного жреца, на латыни его называли «понтифекс максимус». Их бывший авгур Октавиан погиб в битве против Геи. (О чем мне трудно сожалеть, но это совсем другая история.) На этот пост следовало назначить Джейсона, но сегодня он был нашим почетным гостем. А это означало, что я, бывший бог, сейчас здесь высший представитель духовной власти. И должен провести похоронный обряд.

Для римлян соблюдение правил было законом. И мой отказ восприняли бы как дурное предзнаменование. К тому же это был мой долг перед Джейсоном, даже если выполнять этот долг приходится нелепому Лестеру Пападопулосу.

Я постарался вспомнить, как следует обратиться к римлянам.

Братья и сестры? Нет.

Чем отличается эта ночь от всех?[20] Нет.

Ага.

– Идемте, друзья, – сказал я. – Сопроводим нашего брата на последний пир.

Похоже, я все сделал правильно. По крайней мере никто не возмутился. Я повернулся и пошел к выходу из крепости, и весь легион в зловещей тишине последовал за мной.

По пути к Храмовой горе меня несколько раз охватывала паника. Что, если я веду их не туда?! Что, если в итоге мы окажемся где-нибудь на парковке супермаркета «Сэйфуэй» в Окленде?!

За моим плечом маячил золотой орел Двенадцатого легиона, посылая в воздух разряды, отчего вокруг пахло озоном. В исходящих от него гуле и треске мне слышался голос Юпитера, он будто звучал на коротких радиоволнах: «ТЫ ПРОВИНИЛСЯ. ТВОЕ НАКАЗАНЬЕ».

В январе, когда я был низвергнут на Землю, эти слова показались мне ужасно несправедливыми. Но теперь, провожая Джейсона Грейса к месту его упокоения, я *и сам* так считал. Столько всего случилось по моей вине. Столько всего уже не вернуть.

Джейсон взял с меня обещание: «Что бы ни случилось, когда вернешься на Олимп и снова станешь богом, помни. Помни, что значит быть человеком».

Я намеревался сдержать его – если, конечно, выживу. Но пока почтить память Джейсона я должен был по-другому: защитить Лагерь Юпитера, одержать победу над Триумвиратом и, по версии Эллы, спуститься в гробницу ожившего царя-мертвеца.

Слова Эллы грохотали у меня в голове: «*Дикая кошка, круженье огней. Могила Таркви-ния, яркость коней. Дверь откройте пошире – два, пятьдесят четыре».*

Это было слишком абсурдно даже для пророчества.

Кумская Сивилла всегда много болтала, но речи ее были слишком туманны. И она не терпела редактуры. Она написала целых девять томов Сивиллиных книг. Нет, правда, ну кто пишет цикл из *девяти книг*?! Между нами, я убедился в своей правоте, когда ей не удалось продать их римлянам в первоначальном виде и пришлось сокращать текст до трилогии. Остальные шесть томов отправились прямиком в огонь, когда…

Я застыл на месте.

---

[20] Слова из песни «Ма ништана», которую принято исполнять в начале пасхального седера.

Позади раздался шум – процессия остановилась.

– Аполлон? – прошептала Рейна.

Мне нельзя было останавливаться. Я вел погребальную церемонию Джейсона. Мне нельзя было упасть, сжаться в комок и рыдать. Нет-нет, определенно нет. Но Юпитеровы треники – почему важные вещи всегда всплывают в моей памяти в самый неподходящий момент?!

Естественно, Тарквиний был связан с Сивиллиными книгами. Естественно, что он именно теперь решил заявить о себе и отправить армию нежити штурмовать Лагерь Юпитера. А Кумская Сивилла… Возможно ли…

– Аполлон? – настойчивее повторила Рейна.

– Все хорошо, – солгал я.

Проблемы нужно решать постепенно. Джейсон Грейс заслужил, чтобы я посвятил все свое внимание ему. Я успокоил кипящие мысли и снова пошел вперед.

Дойдя до Храмовой горы, я сразу понял, куда направиться дальше. Рядом с храмом Юпитера была возведена сложная деревянная конструкция – погребальный костер. По углам конструкции стояли почетные стражи с горящими факелами в руках. Гроб Джейсона будет сожжен в тени храма нашего отца. В этом чувствовалась горькая закономерность.

Когорты легиона выстроились полукругом перед костром, лары в их рядах сияли как свечи на именинном торте. Пятая когорта сняла гроб Джейсона с повозки и перенесла его на платформу. Ганнибала увели вместе с пустой повозкой.

За спинами легионеров, на самом краю освещенного факелами пространства, кружили духи воздуха – ауры, – расставляя складные столы и застилая их черными скатертями. Некоторые несли кувшины, стопки тарелок и корзинки с едой. Римские похороны никогда не обходятся без прощальной трапезы в память усопшего. По римскому обычаю, только тогда, когда скорбящие вместе отведают пищи, дух Джейсона сможет беспрепятственно отправиться в Подземный мир, не рискуя разделить унизительную участь неупокоенных призраков или зомби.

Пока легионеры строились, Рейна и Фрэнк присоединились ко мне у костра.

– Я за тебя волнуюсь, – сказала Рейна. – Рана еще болит?

– Заживает, – ответил я, не зная, кого хочу убедить в этом больше: себя или ее. Ох, ну почему она так хороша в свете факелов!

– Попросим целителей еще раз на нее взглянуть, – пообещал Фрэнк. – Почему ты остановился на полпути?

– Просто… кое-что вспомнил. Позже расскажу. Вам, наверное, не удалось известить семью Джейсона? Талию?

Они обменялись расстроенными взглядами.

– Конечно, мы пытались, – сказала Рейна. – Из близких у него осталась только Талия. Но из-за проблем со связью…

Я кивнул: неудивительно. Одной из самых мерзких гадостей, устроенных Триумвиратом, было то, что они заблокировали все виды магической связи, доступной полубогам. Почта Ириды не работала. Письма, отправляемые с духами ветра, не доходили до адресатов. Даже технологии смертных, которыми полубоги предпочитали не пользоваться из-за того, что те привлекали монстров, были совершенно бесполезны. Понятия не имею, как императорам удалось провернуть такое.

– Хотел бы я дождаться Талию, – вздохнул я, наблюдая, как носильщики гроба из Пятой когорты спускаются с основания костра.

– Я тоже, – согласилась Рейна. – Но…

– Знаю, – кивнул я.

Римляне считали, что похороны следует устраивать как можно раньше. Без сожжения тела дух Джейсона не мог отправиться дальше. Похороны дадут возможность живым оплакать утрату и оправиться… или хотя бы отвлекут их внимание от грядущих угроз.

– Давайте начнем, – сказал я.

Рейна и Фрэнк снова встали в первом ряду.

Я заговорил: ритуальные строки на латыни сами собой срывались с моих губ. Я произносил слова, которые подсказывала интуиция, но едва понимал их смысл. Своей песней я уже почтил память Джейсона. Она шла из самого сердца. А теперь оставались лишь необходимые формальности.

Частичка моего сознания задавалась вопросом: неужели именно это происходило со смертными, когда они молились мне? Возможно, они просто по привычке совершали движения и повторяли заученные строки, а в мыслях были далеко, и прославление меня их вовсе не интересовало. Странно, но это показалось мне… вполне понятным. Теперь, когда я был смертным, может быть, стоило тоже задуматься о ненасильственном сопротивлении[21] богам?

Я закончил свою речь.

Жестом скомандовал аурам начать пир, возложив первую порцию на гроб Джейсона, чтобы он символически разделил последнюю трапезу со своими собратьями в мире смертных. Римляне считают, что когда это будет сделано и костер будет зажжен, душа Джейсона сможет пересечь Стикс.

Но прежде чем факелы коснулись костра, вдалеке послышался полный скорби вой. Затем он раздался снова, на этот раз гораздо ближе. По рядам полубогов пробежало беспокойство. На их лицах не было тревоги, но они были явно удивлены, словно не рассчитывали на визит неожиданных гостей. Ганнибал заворчал и топнул копытом.

Со всех сторон из сумрака выступили серые волки – десятки крупных зверей оплакивали смерть Джейсона, который был частью их стаи.

Прямо за костром, на высоких ступенях храма Юпитера, показалась самая большая волчица, ее серебристая шерсть мерцала в свете факелов.

Легионеры, все как один, затаили дыхание. Никто не преклонил колен. При встрече с Лупой, богиней волков, нельзя падать ниц или выказывать слабость. Мы с почтением стояли, не двигаясь с места, пока стая нас окружала.

Наконец Лупа остановила на мне свои желтые светящиеся глаза. Поджав губу, она отдала мне короткий приказ: «*Подойди*».

А затем развернулась и скрылась в темном храме.

Ко мне подошла Рейна:

– Похоже, богиня волков хочет поговорить с тобой с глазу на глаз. – Она обеспокоенно нахмурилась. – Мы начнем пир. А ты иди. Надеюсь, Лупа не злится. И не голодна.

[21] Ненасильственное сопротивление – форма политического протеста, исключающая насилие (забастовки, бойкоты, протесты и т. п.).

10

Поем все вместе:
Нам не страшен серый волк
А вот я боюсь

Лупа была и зла, и голодна.

Бегло по-волчьи я не говорю, но провел достаточно времени рядом со стаей сестры и кое-что знал. Чувства улавливались проще всего. Язык Лупы, как и других волков, состоял из взглядов, рычания, шевеления ушами, различных поз и феромонов. Он был весьма изыскан, хотя не слишком подходил для сочинения рифмованных стихов. Поверьте, я пытался. Но с «грр-ррр-ав-рр» ничего не рифмуется.

От ярости, вызванной смертью Джейсона, Лупу била дрожь. Судя по концентрации кетонов в ее дыхании, она не ела уже несколько дней. От злости она становилась голоднее. А от голода – злее. Трепещущие ноздри волчицы говорили ей, что рядом находится отличная упаковка человеческого мяса – я.

И все же я последовал за ней в огромный храм Юпитера. Выбора у меня не было.

Золоченый изогнутый куполом потолок открытого павильона поддерживался кольцом колонн, каждая из которых по высоте и толщине не уступала секвойе. Пол украшала яркая мозаика с латинскими надписями: пророчествами, фрагментами хроник, грозными фразами о том, что тех, кто не вознесет молитву Юпитеру, тут же поразит его молния. В центре, позади мраморного алтаря, возвышалась золотая статуя отца – Юпитера Оптимуса Максимуса – в шелковой пурпурной тоге размером с парус. Он был суров, мудр и имел поистине отеческий вид, хотя в реальности ему было свойственно лишь одно из этих качеств.

Когда надо мной нависла его фигура с молниями в руке, мне захотелось съежиться и молить о пощаде. Конечно, это всего лишь статуя, но тот, кому довелось пострадать по воле другого, меня поймет. Сущая мелочь может пробудить старые страхи: взгляд, звук, похожая ситуация. Или пятидесятифутовая золотая статуя обидчика – она тоже отлично подойдет.

Лупа стояла перед алтарем. Туман окутывал ее мех, и казалось, что она состоит из испаряющейся ртути.

Она сказала мне: «*Твое время пришло*».

Или что-то вроде того. По ее движениям я понял, что она чего-то ждет, причем с нетерпением. Она хотела, чтобы я что-то сделал. А ее запах говорил, что она сомневается, справлюсь ли я с этим делом.

Я сглотнул, смачивая пересохшее горло, что по-волчьи означает «*Я боюсь*». Естественно, Лупа уже почуяла мой страх. На ее языке солгать было невозможно. Угрожать, запугивать, льстить – да. Но прямо солгать – нет.

– Мое время, – сказал я. – Но для чего?

Она раздраженно щелкнула зубами: «*Для того чтобы быть Аполлоном. Ты нужен стае*».

Мне хотелось завопить: «*Я пытался быть Аполлоном! Не так-то это просто!*» Но я усмирил свой язык тела и не стал грубить Лупе.

Личное общение с божеством – непростое дело. И я утратил былую сноровку. Да, в Индианаполисе я виделся с Бритомартидой, но это не в счет. Она не стала бы меня убивать: слишком уж ей нравилось меня мучить. А вот Лупа… С ней стоило быть осторожным.

Даже когда я сам был богом, я никогда не понимал Мать волков. Она не тусовалась с олимпийцами. Никогда не приходила на семейные ужины во время Сатурналий. И ни разу не

посетила ежемесячные собрания нашего книжного клуба – даже когда мы обсуждали «Танцующего с волками»[22].

– Хорошо, – сдался я. – Я понимаю, о чем ты. О последних строчках Темного пророчества. Теперь Тибр передо мной, и я должен «танцевать и петь». Наверняка здесь имеется в виду не только пляска с прищелкиванием пальцами?

У Лупы заурчало в животе. Чем дольше я болтал, тем вкуснее становился мой запах.

«Стая слишком слаба, – сообщила она, взглянув на погребальный костер. – *Многие пали. Когда враг окружит вас, ты должен показать силу. И призвать помощь».*

Я постарался сдержаться и не выдать снова нахлынувшего на меня раздражения. Лупа – богиня. Это ее город, ее лагерь. У нее в подчинении целая стая сверхъестественных волков. Почему бы *ей* не помочь нам?

Конечно, я знал ответ. Волки не сражаются на передовой. Они охотники и атакуют, только если превосходят противника числом. Лупа считает, что ее римляне должны сами справиться со своими проблемами. Пусть сумеют сами за себя постоять или умрут. Она готова дать совет. Учить, направлять, предупреждать. Но она не собирается участвовать в их битвах. В *наших* битвах.

Поэтому мне стало интересно, с чего вдруг она советует мне звать на помощь. И от кого я должен этой помощи ожидать?

Вероятно, выражение моего лица и язык тела сделали этот вопрос очевидным.

Она шевельнула ушами. «*Север. Отыщи гробницу. Найди ответы. Таков первый шаг».*

Снаружи, рядом с храмом, затрещало дерево, и погребальный костер с ревом вспыхнул. Дым повалил в открытый зал и окутал статую Юпитера. Я надеялся, что где-то там, на горе Олимп, носовые пазухи отца раскалились от боли.

– Тарквиний Гордый, – сказал я. – Это он наслал нежить. И он нападет снова во время кровавой луны.

Ноздри Лупы затрепетали в знак согласия. «*От тебя исходит его запах. Будь осторожен в гробнице. Императоры поступили глупо, призывав его*».

На волчьем языке было трудно выразить смысл понятия «император». Оно могло означать альфу, вожака стаи или приказ «подчинись-мне-сейчас-же-или-я-перегрызу-тебе-горло». Но я был уверен, что правильно понял Лупу. В ее феромонах чувствовались *опасность, отвращение, тревога, гнев и снова опасность.*

Я положил руку на перевязанную рану. Она заживала… ведь так? Меня обмазали таким количеством лемурийских пряностей и стружки единорожьего рога, что его хватило бы, чтобы убить зомби-мастодонта. Но встревоженный вид Лупы мне не нравился, как и мысль, что от меня исходит чей-то запах, особенно если это запах ожившего царя-мертвеца.

– После того как я обыщу его гробницу и вернусь живым… что дальше? – спросил я.

«Путь станет яснее. Одолей великое молчание. Призови помощь. Без этого стая погибнет».

На этот раз я не был уверен, что понял ее правильно:

– Одолей молчание. Ты имеешь в виду безмолвного бога? И вход, который должна открыть Рейна?

К моему разочарованию, ее ответ был слишком неопределенным. Он мог означать «*Да», «Нет»,* или «*Вроде того»*, или «*Почему ты такой тупой?».*

Я посмотрел на Здоровенного Золотого Папашу.

Это все случилось со мной из-за Зевса. Он лишил меня силы и швырнул на Землю, приказав освободить Оракулы, победить императоров и… Ах да, постойте! Бонусом я получил

[22] «Танцующий с волками» – роман Майкла Блейка, по которому в 1990 году был снят фильм с Кевином Костнером в главной роли.

царя-мертвеца и безмолвного бога! Я надеялся, что сажа от погребального костра, оседающая на статуе, раздражает его. Мне хотелось вскарабкаться по его ногам и пальцем написать у него на груди «ПОМОЙ МЕНЯ!».

Я закрыл глаза. Наверное, поступать так было опрометчиво, учитывая, что передо мной стояла огромная волчица, но у меня в голове вертелось множество мыслей, и большую часть их я еще не успел осознать. Я подумал о Сивиллиных книгах, содержащих всевозможные советы, как предотвратить разные несчастья. И гадал, что же Лупа имела в виду под «*великим молчанием*». И кого предлагала звать на помощь.

Я резко открыл глаза:

– Помощь. Помощь богов. Хочешь сказать, если я выберусь живым из гробницы и сумею одолеть безмолвного кого-то там, я смогу призвать на помощь богов?

Из груди Лупы раздался рык: «*Наконец-то понял. Это станет началом. Первым шагом к возвращению в твою стаю*».

У меня екнуло и замерло сердце, словно его сбросили в лестничный пролет. Слишком уж невероятным казалось то, что сулила мне Лупа. Я смогу связаться с друзьями-олимпийцами несмотря на то, что Зевс строго-настрого запретил им общаться со мной, пока я остаюсь человеком. И возможно, я даже сумею призвать их на помощь и спасти Лагерь Юпитера. Внезапно мне и впрямь полегчало. Рана перестала болеть. Нервы напряглись от чувства, которого я так давно не испытывал. Это была надежда.

«Будь осторожен! – тихо зарычав, Лупа вернула меня с небес на землю. – *Этот путь труден. Будут новые жертвы. Смерть. Кровь».*

– Нет. – Я встретился с ней взглядом. Это был опасный шаг, означающий вызов, что удивило меня так же сильно, как и ее. – Нет, я справлюсь. Я никого больше не потеряю. Должен быть способ.

Примерно три секунды мне удавалось выдерживать ее взгляд, но затем я отвел глаза.

Лупа фыркнула – презрительно: мол, *конечно, я победила*, но мне показалось, что я уловил в нем и частичку одобрения. Я вдруг понял, что она оценила мои кураж и решимость, даже несмотря на то, что сомневалась в моем успехе. Возможно, *именно потому*, что сомневалась.

«Вернись на пир, – приказала она. – *Скажи им, что я тебя благословила. Будь силен. Так мы начнем».*

Я вгляделся в слова пророчеств, запечатленные в мозаике на полу. Триумвират отнял у меня друзей. Я перенес много страданий. Но я понял, что Лупа тоже страдает. Убили множество римлян – ее детей. Каждая смерть отдавалась в ней болью. Но она должна была оставаться сильной даже тогда, когда ее стая оказалась под угрозой истребления.

На волчьем языке невозможно лгать. Но блефовать можно. Иногда блеф нужен, чтобы сплотить скорбящую стаю. Как там говорят смертные? Делать хорошую мину при плохой игре? Очень в духе волчьей философии.

– Спасибо. – Я поднял глаза, но Лупа уже исчезла. И ничто не напоминало о ней, кроме серебристого тумана, смешивающегося с дымом от костра Джейсона.

Рейне и Фрэнку я рассказал все очень коротко: я получил благословение волчьей богини. Пообещал сообщить подробности завтра, когда сам до конца все пойму. Сейчас среди легионеров наверняка пойдут слухи, что мне дает советы сама Лупа. Пока этого достаточно. Их нужно подбодрить.

Пока погребальный костер горел, Фрэнк и Хейзел стояли, держась за руки и не отступая от костра ни на шаг, провожая Джейсона в последний путь. Я сидел на покрывале рядом с Мэг, которая уминала все, до чего могла дотянуться, и без умолку болтала о том, как чудесно провела день, ухаживая за единорогами вместе с Лавинией. Она похвасталась, что Лавиния даже разрешила ей вычистить конюшню.

– Она тебя провела как Том Сойер, – заметил я.

Мэг нахмурилась.

– Ф шмышле? – проговорила она, жуя гамбургер.

– Забудь. Что ты там говорила про единорожьи какашки? – Я попытался поесть, но хотя я очень проголодался, на вкус еда напоминала прах.

Когда последние угли костра погасли, а духи воздуха убрали все, что осталось от пира, мы вместе с легионерами отправились назад в лагерь.

Я лежал на койке в комнате над кофейней Бомбило и изучал трещины на потолке. Я представлял, что это строки, вытатуированные на спине циклопа, и если буду долго всматриваться в них, то, возможно, пойму, о чем они, или, по крайней мере, найду указатель.

Мэг швырнула в меня ботинок:

– Тебе нужен отдых. Завтра собрание сената.

Я сбросил ее красный кед с груди:

– Сама-то ты тоже не спишь

– Да, но выступать там придется тебе. Они захотят выслушать твой план.

– Мой *план*?

– Ну знаешь, вроде как речь. Ты должен типа вдохновить их. Они проголосуют и все такое.

– Провела день в конюшне единорога – и сразу стала экспертом по работе римского сената?

– Лавиния рассказала. – В голосе Мэг звучало неподдельное самодовольство.

Она легла на свою койку, подбросила в воздух второй кед и поймала его. Как ей удается делать это без очков, ума не приложу.

Без украшенных стразами очков-«кошечек» ее лицо казалось старше, глаза – темнее, а взгляд – серьезнее. Я бы даже сказал, что она повзрослела, если бы она не вернулась из конюшни в зеленой футболке с блестками и надписью «VNICORNES IMPERANT!»[23].

– А что, если у меня нет плана? – спросил я.

Я думал, что Мэг швырнет в меня второй ботинок. Но вместо этого она сказала:

– Есть.

– Есть?

– Ага. Может, ты его пока не додумал, но к утру додумаешь.

Я не понял, приказывает она мне, пытается подбодрить или просто недооценивает опасность, с которой мы столкнулись.

«Будь силен, – велела мне Лупа. – *Так мы начнем»*.

– Ладно, – осторожно сказал я. – Что ж, для начала, думаю, мы могли бы…

– Не сейчас! Завтра. Никаких спойлеров.

Ага. Вот теперь это Мэг, которую я знал и терпел.

– Чего ты привязалась к этим спойлерам? – спросил я.

– Ненавижу их.

– Я пытаюсь посоветоваться с тобой насчет страте…

– Нет.

– Рассказываю о своих идеях…

– Нет. – Она отбросила в сторону кед, накрыла подушкой голову и приглушенным голосом приказала: – Спи!

Сопротивляться прямому приказу я не мог. На меня нахлынула усталость, и мои веки сомкнулись.

---

[23] С латыни эту фразу можно перевести как «Единороги рулят».

11

Грязь и жвачка
Их у Лавинии хватит на весь сенат

Как отличить сон от кошмара?

Если в нем жгут книги, то это наверняка кошмар.

Я оказался в Римском сенате – не в знаменитом грандиозном зале, каким он был во времена Республики и Империи, а в *старом* Сенате эпохи Римского царства. Стены из глинобитного кирпича были небрежно окрашены в белый и красный цвета. От пылающих жаровен поднимался дым, и копоть оседала на оштукатуренном потолке.

Никакого изысканного мрамора. Никакой роскоши вроде экзотического шелка или имперского пурпура. Это был старый грубый Рим, алчущий и порочный. На царских стражах поверх пропитавшихся потом туник были надеты кожаные доспехи. Они были вооружены копьями с грубо сработанными железными наконечниками, а к их шлемам крепились волчьи шкуры. У подножия вытесанного из каменной глыбы и застеленного мехами трона на коленях стояли рабыни. Вдоль стен были расставлены простые деревянные скамьи – места для сенаторов, больше походивших на пленников или зрителей, чем на могущественных политиков. В те времена сенаторы были уполномочены только голосованием выбирать нового царя, когда прежний умирал. В остальных случаях от них требовалось аплодировать или заткнуться в нужный момент.

На троне восседал седьмой царь Рима Луций Тарквиний Гордый – убийца, интриган, деспот и вообще отличный парень. Лицо его было словно вырезано острым ножом из сырого фарфора: большой лоснящийся рот, сердитая гримаса, слишком сильно выступающие скулы, сломанный нос, сросшийся уродливым зигзагом, с подозрением глядящие из-под нависших век глаза и засаленные длинные волосы, пряди которых, казалось, сделаны из глины.

Несколько лет назад, когда Тарквиний взошел на трон, его мужественной красоте и силе возносили хвалы. Лестью и подарками он затуманил разум сенаторам, уселся на трон своего тестя и убедил сенат признать его новым царем.

Когда старый царь ворвался в Сенат и заявил, что он, знаете ли, еще очень даже жив, Тарквиний взял его как мешок репы, вынес наружу и выкинул на улицу, после чего дочь старого царя, которая приходилась Тарквинию женой, переехала своего несчастного отца колесницей, окропив колеса его кровью.

Прекрасное начало прекрасного правления.

Но годы брали свое. Теперь Тарквиний сгорбился и потолстел, как будто держал на своих плечах все здания, которые заставил свой народ возвести. Вместо плаща на нем была волчья шкура. Его розовые одежды покрывало такое количество темных пятен, что сложно было определить первоначальный цвет ткани: красная (и значит, это выцветшие пятна) или белая (и значит, это следы крови).

Кроме стражников в зале была еще одна стоящая фигура – старуха, лицо которой было обращено к трону. Розовый плащ с капюшоном, грузное тело и сутулая спина делали ее похожей на карикатуру на царя, словно шоу «Субботним вечером в прямом эфире» решило сделать пародию на Тарквиния. Одной рукой она прижимала к себе стопку из шести томов в кожаном переплете, каждая книга была размером со сложенную рубашку и точно так же легко гнулась.

Царь хмуро посмотрел на нее:

– Ты вернулась. Зачем?

– Чтобы снова предложить тебе ту же сделку. – Голос у старухи был хриплым, словно она сорвала его. Она сняла капюшон, обнажив засаленные седые волосы и морщинистое оплывшее

лицо, отчего стала еще больше похожа на сестру-близнеца Тарквиния. Только это была вовсе не его сестра. Это была Кумская Сивилла.

При виде ее мое сердце сжалось. Когда-то она была прекрасной молодой женщиной, умной, решительной, влюбленной в свое пророческое дело. Она хотела изменить мир. Потом наши отношения испортились… и я изменил *ее*.

Тот облик, в котором она предстала в моем сне, был только малой частью наложенного мной проклятия. С течением столетий все должно было становится еще хуже. Как я мог об этом забыть?! Как я мог поступить так жестоко?! Чувство вины за содеянное жгло сильнее, чем оставленные гулем раны.

Тарквиний поерзал на троне. Он попытался рассмеяться, но вместо смеха из его горла вырвался странный нервный звук:

– Да ты не в своем уме, женщина. Ты просила столько, что эта плата разорила бы мое царство – но тогда у тебя хотя бы было *девять* книг. Три ты сожгла и вернулась, чтобы предложить мне всего шесть по той же заоблачной цене?

Старуха протянула книги вперед, положив сверху руку, словно готовилась произнести клятву:

– Знания стоят дорого, царь Рима. И чем их меньше, тем они дороже. Радуйся, что я не запросила вдвое больше.

– Ах, я понял! Выходит, я должен сказать тебе спасибо. – Царь оглядел зрителей – сенаторов, полностью подвластных ему, – в поисках поддержки. Им полагалось смеяться над старухой и отпускать шуточки в ее адрес.

Но все молчали. Похоже, Сивиллу они боялись больше, чем царя.

– От подобных тебе я не жду благодарности, – проскрипела Сивилла. – Но ты должен поступить в своих интересах и интересах твоего царства. Я предлагаю тебе узнать о будущем… как предотвратить беды, как призвать на помощь богов, как превратить Рим в великую империю. Все знания содержатся здесь. По крайней мере… шесть томов еще остались целы.

– Это просто смешно! – рявкнул царь. – Мне следует казнить тебя за такую дерзость!

– Если бы только это было возможно. – Голос Сивиллы был горек и тих, как полярное утро. – Значит, ты отказываешься?

– Я не только царь, но и верховный жрец! – вскричал Тарквиний. – Только я решаю, что делать, чтобы умилостивить богов! Мне не нужны…

Сивилла взяла три верхние книги из стопки и небрежным движением бросила их на ближайшую жаровню. Несмотря на кожаный переплет, они тут же вспыхнули, словно это была рисовая бумага, на которой вместо чернил писали керосином. Пламя взревело – и через миг от книг ничего не осталось.

Стражники схватились за копья. Сенаторы заерзали на своих местах. Возможно, они почувствовали то же, что и я – мучительный вздох Вселенной, дыхание судьбы, – когда так много пророческих страниц исчезло с лица земли, покрыв будущее мраком, повергнув во тьму целые поколения.

Как Сивилла могла сделать такое?! И зачем?!

Может, это был ее способ поквитаться со мной. Я ругал ее за то, что она пишет так много и не позволяет мне следить за ее работой. К тому моменту, когда Сивиллины книги были закончены, у меня накопилась масса поводов злиться на нее. Я уже наложил проклятие. Наши отношения вконец испортились. Сжигая собственные книги, она словно плевала на мою критику, на пророческий дар, которым я наградил ее, и на слишком высокую цену, которую ей пришлось заплатить, за то, что она была моей Сивиллой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.